

18+

Сергей Тараненко

ШРАМ МИРА

ДЕТИ ПЕПЛА

Сергей Тараненко

Шрам Мира. Дети Пепла

«Издательские решения»

Тараненко С.

Шрам Мира. Дети Пепла / С. Тараненко — «Издательские решения»,

Ранее роман Шрам мира. Дети Пепла был опубликован в составе сборника Шрам мира. Теперь эта история выходит отдельным изданием. После событий, изменивших границы известного мира, западные земли становятся прибежищем для тех, кто пришёл из-за пределов Шрама. Их называют Детьми Пепла. Они не похожи на людей, которых привыкли видеть жители этого мира. Пока государства готовятся к войне, а правители плетут интриги, становится ясно: самый страшный враг иногда приходит не из тьмы.

© Тараненко С.

© Издательские решения

Содержание

Сергей Тараненко	6
ШРАМ МИРА	7
Дети Пепла	7
Книга вторая	8
Пролог	9
Глава 1. Тот, кто остался смотреть	11
Глава 2. Мёртвый город	14
Глава 3. Живые огни	16
Глава 4. Тени на перевале	18
Три голоса на скале	20
Глава 5. Тень, которую заметили	22
Глава 6. Пепел раньше пепла	24
Глава 7. Дым на горизонте	26
Глава 8. Пепелище	28
Общий язык	30
Глава 9. Огни в темноте	32
Глава 10. Что остаётся после боя	34
Глава 11. Пепел на рассвете	36
Глава 12. Разговор у костров	38
Глава 13. Ложь, которая громче правды	41
Гонец назад	43
Глава 14. Белый Клык	44
Глава 15. Равнина за перевалом	47
Старый Брод готовится	48
Глава 16. Побег	50
Глава 17. Огни впереди	52
Глава 18. Ворота	54
Глава 19. Цена ошибки	56
Глава 20. Искажённая весть	58
Глава 21. Свои среди чужих	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Шрам Мира Дети Пепла

Сергей Тараненко

© Сергей Тараненко, 2026

ISBN 978-5-0071-2185-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Тараненко

ШРАМ МИРА

Дети Пепла

Книга вторая

«У каждого из нас уже есть путь, который предопределён от рождения и до конца. А вот на какие тропы свернуть — это дело каждого. И каждая новая тропа приводит путь из прямой в целую картину жизни».

Сергей Тараненко

Пролог

Лагерь просыпался, как просыпался каждое утро вот уже почти шесть лет — осторожно, вполголоса, без резких звуков. Кёрн стоял на смотровой площадке восточного вала и смотрел, как над частоколом расходится утренний туман. Внизу, между рядами укрепленных землянок и навесов из ржавого листового металла, уже двигались первые тени: кто-то нёс воду от колодца, кто-то проверял силки, поставленные вечером на кромке выжженного леса. Обычное утро. Одно из тех немногих, что ещё можно было называть обычными.

— Опять не спал?

Кёрн не обернулся — узнал шаги. Ила поднялась на площадку и встала рядом, кутаясь в потёртый плащ. Она была его ровесницей — и этим ничем не отличалась от доброй половины лагеря. Но к её словам прислушивались иначе, чем к словам большинства: не потому что она видела больше остальных, а потому что её учили лучше, чем остальных. Мать пела ей с самого детства то, что сама переняла от своих родителей, а те — от своих, и так, звено за звеном, три поколения назад, к тем немногим, кто ещё застал войну и сумел вынести из неё хоть что-то, кроме страха. К тому времени, как эти песни дошли до Илы, они успели стереться, обрасти чужими словами, потерять половину смысла — и всё равно она держала их крепче, чем кто-либо ещё в лагере, будто самым голосом умела удерживать то, что могло бы просто рассыпаться.

Другие тоже знали песни. Другие тоже могли повторить слово в слово. Но когда пела Ила, лагерь замолкал иначе.

— Опять полночи не спала сама, — сказал Кёрн. — Тебя было слышно от самого частокола.

— Плохо спалось.

— Пела от этого лучше не становится.

Ила усмехнулась, но невесело. Она пела старую, ещё довоенную мелодию про город, в котором никогда не гас свет, про башни, что доставали до облаков, про то, как люди когда-то боялись только опоздать на работу, а не того, что земля под ногами вспыхнет. Дети слушали эти песни, широко раскрыв глаза, как сказку. Кёрн слушал их так же — потому что и для него это была уже почти сказка. Он родился на исходе времени, когда о войне говорили уже не как о недавней беде, а как о чём-то, случившемся с дедами дедов, — и довоенный мир он знал только с чужих слов, с чужой тоски, доставшейся ему по наследству, как шрам, которого сам не получал.

— Совет собирается в полдень, — сказала Ила. — Хотят снова говорить про южные поля.

— Про то, копать там огород или готовиться драться за него.

— Ты как будто заранее знаешь, чем кончится.

Кёрн промолчал. Он действительно знал. В последний месяц каждый совет заканчивался одним и тем же: половина лагеря хотела рискнуть и уйти на юг, где, по слухам разведчиков, ещё оставалась не выжженная радиацией земля, способная родить хоть что-то, кроме мха и колючего кустарника. Другая половина хотела остаться — здесь, за укрепленным валом, в тесноте, но живыми, потому что южные земли контролировал клан Рваных, а с Рваными лагерь воевал уже третий год без особой надежды на перемирие.

Он не был уверен, что готов снова хоронить кого-то из-за клочка земли. Но был не уверен и в том, что готов смотреть, как лагерь медленно умирает от голода, потому что боялся рискнуть.

— Кёрн.

Он поднял голову. Внизу, у частокола, кто-то бежал — быстро, слишком быстро для обычного утра. Дозорный. Тот самый, что стоял в западном секторе, у границы старого котлована.

— Тревога! — крикнул дозорный, не дожидаясь, пока взберётся наверх. — Котлован! Там... там что-то происходит с котлованом!

Кёрн не сдвинулся с площадки — оттуда было видно дальше, чем снизу, — и то, что открылось его взгляду, заставило его забыть про дозорного вовсе.

Старый котлован лежал в полулиге от вала — глубокая воронка, оставшаяся, если верить старикам, ещё от довоенных времён, от чего-то, что называли «карьером». Обычно там царила мёртвая тишина: ни травы, ни зверья, только выжженная, потрескавшаяся земля и застывшее на дне озерцо чёрной воды, которую даже привычные ко всему Дети Пепла не рисковали пить.

Сейчас над котлованом стоял свет.

Не пламя. Не рассвет. Что-то среднее — холодное, серебряное, будто сама земля вспотела расплавленным металлом. Свет полз по трещинам в почве, повторяя их изгибы, точно кто-то невидимой рукой обводил рисунок разлома раскалённой проволокой. Он извивался, дрожал, тянулся всё дальше от края воронки — и с каждым мгновением становился ярче.

— Это как... — начала Ила рядом, тоже не отходя от края площадки, и не договорила.

Кёрн не понимал, что видит. Ничего в его жизни — ни в песнях, ни в обрывках чужой памяти, доставшихся ему по наследству, — не готовило его к этому зрелищу: серебряные жилы света, ползущие по земле, как живые. Молнии без грома. Тьма, идущая следом.

— Оно идёт сюда! — закричал он вниз, в лагерь, и голос сорвался на середине слова. — С котлована! Приближается!

Но было поздно. Земля дрогнула — не от взрыва, не от удара, а будто сам воздух внезапно стал тяжелее, словно на лагерь навалилась невидимая рука. Свет из котлована рванулся вверх широким кольцом, и в этом кольце родилась тьма — не ночная, а абсолютная, всасывающая в себя даже отблески серебра. Она росла стремительно, как выдох великана, и Кёрн, стоя на площадке восточного вала, успел увидеть лишь одно: как тьма накрывает лагерь целиком, стену за стеной, крышу за крышей, будто весь мир, который они с таким трудом отвоевали у пепла за шесть долгих лет, схлопывается внутрь одной секунды.

Он хотел закричать имя Илы. Не успел даже вдохнуть.

А потом наступила тишина. Не темнота — тишина. Странная, глухая, точно уши забило ватой. Кёрн медленно открыл глаза — и не узнал ничего вокруг.

Земля под ним была не выжженной чёрной коркой, а серым потрескавшимся камнем, тянувшимся до самого горизонта. Воздух пах не гарью и не пеплом, а старой пылью и ещё чем-то незнакомым, металлическим. А над головой, там, где секунду назад должно было быть привычное низкое небо лагеря, вздымались исполинские остовы — ржавые, изъеденные временем скелеты чего-то, что когда-то, очень давно, было выше любой горы, какую он видел в своей короткой жизни. Между ними, застыв в воздухе на полуразрушенных опорах, тянулись широкие каменные ленты — не дороги, а будто высохшие русла рек, повисшие над землёй.

Кёрн медленно поднялся на колени. Рядом закашлялась Ила — живая, значит, живая, — а чуть дальше, приходя в себя, зашевелились ещё несколько человек из лагеря. Он не мог сосчитать сколько. Не сейчас.

Мир вокруг был мёртв — так мертво, что даже привычная к смерти душа Ребёнка Пепла ощутила разницу. Ни ветра. Ни птиц. Только они — и город из чужого, неизвестного прошлого, замерший вокруг них, как исполинское кладбище.

— Кёрн, — прошептала Ила. — Это не наш мир.

Он смотрел на ржавые скелеты башен, тонущие в сером мареве, и впервые за много лет не находил, что ответить.

Глава 1. Тот, кто остался смотреть

Он проснулся раньше всех, как просыпался каждое утро с тех пор, как они встали лагерем у границы.

Небо над мёртвой землёй уже начинало сереть, но солнце ещё не поднялось, и запад лежал неразличимой тёмной массой — ни очертаний, ни теней, только ощущение огромного пространства, где ничего не растёт. Тирен сел, обхватив колени, и какое-то время просто смотрел туда, где вчера, позавчера и позапозавчера видел одно и то же.

Огни.

Он не знал, как их называть. Не костры — костры дрожат, гаснут к утру, оставляют дым. Эти горели ровно, холодно, и всегда в одних и тех же местах: на вершинах уцелевших башен древнего города, далеко на западе. Один, потом ещё несколько чуть дальше, потом целая россыпь, теряющаяся за горизонтом.

Он видел, как они зажглись. Стоял и смотрел, как первая золотая искра вспыхнула на самой высокой башне, и как ей ответила вторая, третья, — будто город, простоявший мёртвым тысячи лет, вдруг открыл глаза.

И до сих пор не мог понять, что это значит.

За спиной зашевелились. Гаст поднимался всегда вторым, и Тирен, не оборачиваясь, услышал знакомое: короткий выдох, скрип кожи, тихий лязг перевязи, которую тот надевал раньше, чем обувался.

— Опять не спал, — сказал Гаст.

— Спал.

— Ты сидишь здесь каждое утро уже неделю.

Тирен не ответил. Гаст подошёл, сел рядом на камень, и какое-то время они молчали вдвоём, глядя на серую полосу мёртвой земли, постепенно проступающую из темноты.

— Мы решили выходить, — сказал Гаст. — Сегодня. Дальше здесь нечего ждать.

— Знаю.

— Мира считает, что до Города доберёмся за три дня, если не будем задерживаться. Оттуда — на восток, к Броду.

Тирен молчал.

Он думал об этом всю ночь — и всю предыдущую, и ту, что была до неё. Он знал, что если промолчит сейчас, то через час соберёт вещи вместе со всеми и пойдёт на восток, к живым землям, к людям, к нормальной жизни, которой у него не было уже очень давно.

И всю дорогу будет думать об огнях.

— Я не пойду, — сказал он.

Гаст не переспросил. Он вообще ничего не сказал сразу — просто повернул голову, и Тирен почувствовал этот взгляд боком, не поднимая глаз.

— Не сейчас, — добавил он. — Не так.

— Объясни.

Тирен наконец повернулся к нему.

— Ты видел, как они зажглись, — сказал он. — Все видели. Мёртвый город, в котором тысячу лет никого не было, вдруг взял и загорелся сам по себе. И мы просто собрались и пошли дальше, будто ничего не случилось.

— Мы пошли дальше, потому что нам некуда было деться, — сказал Гаст. — И потому что за одну ночь мы потеряли достаточно, чтобы не искать себе новых загадок.

— Это не загадка. Это... — Тирен запнулся, подбирая слово, и не нашёл. — Мы дрались с тем, что понимали. Тьма, Растерзанные, Печать — всё это было страшно, но у него было имя. А это, — он кивнул на запад, — не имеет имени вообще.

— И ты хочешь пойти и дать ему имя.

— Я хочу понять, что происходит с миром, в котором мне теперь жить.

Гаст долго молчал.

— Спросить всё равно не у кого, — сказал он наконец, и это прозвучало не как возражение, а как констатация.

Тирен кивнул.

Элиана больше не было. Он не умер — просто перестал быть: сделал то, ради чего его создали, и погас, как гаснет всё, что отработало своё. Тирен не сразу это понял тогда. Только когда обернулся, чтобы спросить, — и обнаружил, что спрашивать некого, и уже никогда не будет.

Позади хрустнул щебень. Эйнар подошёл, зевая, с луком, который таскал за собой даже к костру, — и остановился, услышав конец разговора.

— Один? — спросил Гаст.

— Один, — сказал Тирен. — Так будет быстрее. И безопаснее для вас.

— Это, — заметил Эйнар, — самое глупое, что ты говорил за всё время, что я тебя знаю. А я слышал, как ты предлагал спуститься в Разлом по верёвке.

Тирен невольно усмехнулся.

— Со мной не будет никого, за кого пришлось бы отвечать. Я пойду медленно, буду смотреть, а не воевать. Вчетвером мы будем шуметь на всю мёртвую землю.

— Втроём тоже неплохо шумим, — проворчал Эйнар, но уже без нажима: по лицу было видно, что он понял — спорить бесполезно.

Мира стояла у самой границы.

Тирен нашёл её там, где и ожидал, — на той узкой полосе, где серый камень переходил в первую жёсткую траву, ещё редкую, ещё почти незаметную, но живую. Она стояла к нему спиной, обхватив себя руками, и он не окликнул её сразу.

— Ты уходишь, — сказала она, не оборачиваясь.

— Ухожу.

Она обернулась. Лицо у неё было спокойное, но что-то в нём Тирену не понравилось — то ли усталость, то ли тень чего-то, о чём она не говорила.

— Из-за огней, — сказала она. Не вопрос.

— Из-за них.

Мира долго смотрела на него.

— Я бы пошла с тобой, — сказала она наконец.

— Так идём.

— Не могу. — Она отвернулась обратно к западу. — Не спрашивай почему. Я сама не знаю, как это объяснить.

Тирен не стал спрашивать. Он вдруг понял, что за всё это время так и не спросил, каково ей — быть тем, чем она стала, — и что теперь спрашивать поздно, потому что через час он уйдёт.

Собрался он быстро — брать было почти нечего. Плащ, нож, огниво, остатки вяленого мяса, разделённые на равные доли, из которых Гаст незаметно отсыпал ему больше, чем полагось. Блокнот и огрызок угля — на случай, если понадобится что-то записать.

Прощались коротко.

— Догоняй, — сказал Гаст.

— Догоню.

— Ты понимаешь, что если ты не появишься до зимы, я пойду тебя искать, и мне будет плевать, что там у тебя за огни.

— Понимаю.

Эйнар молча хлопнул его по плечу — так, что Тирен едва устоял, — и отвернулся быстрее, чем нужно.

Мира не сказала ничего. Она стояла в стороне, и когда Тирен уже отошёл шагов на двадцать, окликнула его один раз.

— Тирен.

Он обернулся.

— Если оно тебя позовёт, — сказала она, — не иди сразу. Подумай сначала.

Он хотел спросить, что она имеет в виду. Не спросил.

Он шёл на запад до полудня, ни разу не обернувшись, — потому что знал: если обернётся, то увидит троих, стоящих на месте и смотрящих ему вслед, и после этого идти дальше станет труднее.

К вечеру, когда солнце село, огни на башнях загорелись снова — ближе, чем накануне, и ярче, чем он привык видеть их из лагеря.

Глава 2. Мёртвый город

Первым делом Кёрн пересчитал живых.

Это была не жестокость — привычка, вбитая годами, когда после каждого налёта Рванных или обвала в старых туннелях первым делом считали не потери, а тех, кто остался. Мёртвых оплакивали потом. Сначала — живые.

Он насчитал сорок три человека, разбросанных среди серых каменных плит на пространстве шириной в добрую сотню шагов. Кто-то уже сидел, ощупывая себя, не веря, что цел. Кто-то так и лежал, прижавшись к земле, будто надеялся, что стоит не двигаться — и весь этот кошмар окажется просто дурным сном перед рассветом. Дети плакали негромко, без надрыва — их с младенчества учили не поднимать шум без причины. Причина, впрочем, была весомее некуда.

— Сорок три, — сказала Ила, подойдя ближе. Голос у неё был ровный, но Кёрн видел, как побелели костяшки пальцев, сжимавших край плаща. — Из лагеря было почти сто двадцать.

Он не ответил. Ответа не требовалось. Оба знали простую арифметику потерь: одни остались там, в родном мире, под обвалившимся валом или в тени той самой тьмы, что накрыла лагерь. Другие, возможно, оказались здесь же — просто в другой части этих проклятых руин, слишком далеко, чтобы докричаться.

— Собери тех, кто может стоять, — сказал он наконец. — Организуй периметр. Раненым — помощь в первую очередь.

Ила кивнула и ушла отдавать распоряжения, и в её движениях Кёрн увидел то, ради чего лагерь и держал её на особом счету: она не тратила время на страх. Страх приходил позже, ночью, в одиночестве — Кёрн знал это по себе.

Он поднялся на невысокий каменный завал, чтобы оглядеться, и только теперь по-настоящему увидел масштаб того, что их окружало.

Город — если это можно было назвать городом — тянулся во все стороны, насколько хватало глаз. Ржавые остовы башен вставали над горизонтом, как обломанные рёбра исполинского зверя, а между ними, застыв в воздухе на растрескавшихся опорах, изгибались широкие каменные ленты — то, что он про себя называл «висячими реками», хотя вода по ним не текла уже, наверное, тысячи лет. Ни одно здание не стояло целым. Всюду — трещины, провалы, оплавленный у основания металл, будто когда-то здесь бушевал пожар такой силы, что плавил камень.

Знакомая картина. Слишком знакомая.

— Похоже на дом, — тихо произнёс кто-то рядом.

Кёрн обернулся. Дрен стоял в паре шагов, привычно держа тяжёлый шипастый молот у бедра — тот самый, с которым не расставался даже во сне. Крупный, немногословный, с застарелым ожогом через всё предплечье, о происхождении которого он никогда не рассказывал.

— Не дом, — возразил Кёрн. — Просто похоже.

— Такие же кости, — Дрен кивнул на ближайшую башню. — Такой же пепел под ногами, только старый. Тысячу лет старый, судя по ржавчине.

Он был прав, и от этого легче не становилось. Если этот мир пережил что-то подобное их собственной войне — вопрос был не в том, повторится ли здесь та же ошибка, а в том, кто её совершит на этот раз.

— Кёрн! — окликнули снизу.

Он спустился с завала. Ясна стояла у неглубокой воронки, разгребая руками присыпанный пылью мусор — она за всё утро успела облазить добрую дюжину таких воронок, пока остальные ещё приходили в себя. Белёсые ресницы делали её взгляд особенно цепким, будто она видела мельчайшую деталь раньше, чем успевала о ней подумать.

— Смотри, — она протянула находку: продолговатый кусок металла, изъеденный ржавчиной, с остатками какого-то узора на боку — то ли буквы, то ли просто орнамент, не разобравшись. — Это не наше. Не земное — то есть не отсюда, не из этих руин. Работа другая. Тоньше.

Дрен подошёл, взял вещь, повертел в пальцах.

— Может, старье какое.

— Может, — не стала спорить Ясна, но по её лицу было видно, что она так не думает.

Кёрн забрал находку себе, сунул за пояс, не тратя времени на разгадки — успеется. Сейчас важнее было другое.

— Торн! — позвал он.

Из-за ближайшего завала вынырнул самый крупный из отряда — тихий, вечно настороженный, будто ждущий удара, которого никто не собирался наносить. Торн редко заговаривал первым, но слушал внимательнее всех, и в бою на него можно было положиться так, как ни на кого другого в лагере. Именно поэтому Кёрн взял его в разведку — а не потому, что Торн сам напросился. Он никогда не напрашивался.

— Возьми троих, пройдишь по периметру. Ищи выживших из наших. И... — Кёрн запнулся, подбирая слова, — просто ищи. Живых. Не важно, кого.

Торн понял с полуслова и молча кивнул, коротко коснувшись плеча Кёрна на прощание — жест, значивший у него больше, чем у других — целая фраза. Он ушёл, уводя за собой троих бойцов, и Кёрн проводил его взглядом, невольно подумав, что из всех них Торн один, кажется, не удивился, оказавшись в чужом мёртвом мире. Будто где-то в глубине души давно ждал, что именно так всё и обернётся.

К полудню — если здесь вообще существовало такое понятие, потому что солнце пряталось за плотной пеленой то ли туч, то ли пыли, — отряд разбил временный лагерь среди обрушенных плит: не столько убежище, сколько попытка хоть как-то отгородиться от бескрайней, давящей пустоты вокруг. Ила организовала раздачу скудных остатков воды. Ясна разложила найденные обломки в ряд, пытаясь по крупичам понять, куда они попали. Дрен точил молот, хотя точить там было нечего, — привычка, снимающая напряжение не хуже разговора.

Кёрн сидел чуть в стороне, глядя на ржавые башни, и думал о том, что сказала Ила утром, ещё до того, как всё рухнуло: «Хотят снова говорить про южные поля».

Смешно. Ещё сегодня утром самым страшным их выбором была земля клана Рванных. Теперь вопрос стоял иначе, и он не знал ответа даже для себя: что делать с миром, который их не звал, и с людьми — если это вообще были люди, — которые про них ещё ничего не знают?

— Кёрн.

Он поднял голову. Торн вернулся — раньше, чем ожидалось, и не один. За ним, пошатываясь, шли ещё пятеро — грязные, оглушённые, но живые. Кёрн узнал среди них старика Хольма, лагерного кузнеца, и почувствовал, как что-то внутри чуть ослабло — не облегчение, но что-то близкое к нему.

— Сорок восемь, — вполголоса сказала подошедшая Ила, пересчитав. — Уже сорок восемь.

— Ещё не все, — ответил Кёрн, поднимаясь на ноги. — Продолжаем искать. До темноты.

Он посмотрел на небо — серое, чужое, без единой знакомой звезды — и впервые с момента пробуждения позволил себе задать вопрос, который до этого гнал прочь:

Сколько их вообще сюда попало? И сколько уже никогда не откроют глаза?

Ответа не было. Только город — бескрайний, мёртвый, ждущий — и работа, которую нужно было делать, потому что альтернативой было сесть посреди руин и позволить отчаянию сделать то, что не сумела тьма.

Глава 3. Живые огни

К вечеру — насколько вообще было уместно говорить о вечере под этим чужим, пыльным небом — отряд насчитал уже семьдесят одного выжившего. Ила методично записывала имена углём на обломке гладкого белого камня, найденного среди руин: единственная бумага, какая нашлась в мёртвом городе.

Кёрн сидел у края временной стоянки, когда Ясна тронула его за плечо.

— Смотри, — сказала она, понизив голос, хотя вокруг и без того было тихо. — Туда.

Он проследил за её взглядом — и замер.

На соседней улице, между двумя обрушенными башнями, двигались люди. Не его люди — чужие, незнакомые лица, но одежда, снаряжение, сама манера держаться выдавали их с первого взгляда: те же светлые, почти выцветшие глаза, та же настороженная, экономная походка тех, кто привык беречь силы. Дети Пепла. Другой лагерь. Другие выжившие — там, где секунду назад Кёрн был уверен, что кроме них в этом мёртвом городе нет ни единой живой души.

Он поднялся, не отдавая себе отчёта, и сделал несколько шагов навстречу. Незнакомцы — их было человек двадцать — остановились так же настороженно, как остановился бы он сам.

— Вы тоже... — начал кто-то из них, невысокий мужчина с посохом вместо оружия, и не договорил. Не нужно было договаривать.

За следующий час выяснилось страшное и вместе с тем узнаваемое: таких групп было множество — но не случайных чужаков со всех концов их мира, а соседей. Лагерь Кузнечной Балки, с которым Кёрн вырос бок о бок, деля один и тот же ручей. Клан Рванных — те самые, с кем они третий год резались за южные поля, — и надо было видеть лицо Дрена, узнавшего в толпе знакомого воина с шрамом через переносицу, оставленным его же собственной рукой в прошлогодней стычке. Были и торговые партнёры — те, у кого выменивали соль и заговорённые для радиации семена. Были и вовсе безымянные для Кёрна лица — те, кто жил слишком далеко от котлована, чтобы хоть раз пересечься.

Тьма не выбирала по знакомству. Она забрала всех, кто оказался достаточно близко в тот единственный миг.

К закату — снова условному, потому что солнце так и не показалось из-за плотной серой пелены, — на центральной площади, у подножия рухнувшей башни выше остальных, собралось уже несколько сотен человек. Впервые за долгие годы вражда между лагерями, свары из-за пастбищ и воды, старые обиды между кланами — всё это отступило само собой — сейчас было не время. Не в мёртвом городе, среди чужих костей чужой цивилизации. Люди, которые ещё вчера дома не подали бы друг другу руки, теперь делились последними каплями воды без единого слова упрёка.

— Долго это не продержится, — приглушённо сказал Дрен, стоя рядом с Кёрном и оглядывая толпу. — Как только страх пройдёт, вспомнят, кто кому что должен.

— Знаю, — так же негромко ответил Кёрн. — Поэтому нужно решить, что делать, пока не вспомнили.

Ночью — а ночь здесь действительно наступала, тьма густела, и над головой не появилось ни одной знакомой звезды, лишь редкие блёклые огни где-то в глубине города — Кёрн стоял на завале, разглядывая эти огни, и не сразу понял, что именно его беспокоит.

Огни не мерцали, как костёр. Они горели ровно, холодно — тем самым металлическим, безжизненным светом, какой он видел в детских снах о довоенном мире. Он позвал Ясну.

— Это не пожар, — сказала она, вглядываясь, и в её голосе впервые за день прозвучало что-то похожее на детский восторг, тут же подавленный. — Это... свет. Настоящий свет. Как в довоенных песнях.

Она оказалась почти права. К полуночи разведчики принесли объяснение: где-то в глубине мёртвого города, среди обрушенных зданий, действительно теплилось подобие жизни — редкие, разрозненные огни в стенах, тонкие нити тепла в трубах под землёй, будто что-то далёкое и огромное вновь погнало кровь по венам этого трупа. Но радоваться было нечему: большинство труб оборвано, большинство проводов — если это были провода — обгорели или рассыпались в прах тысячи лет назад. То немногое, что ожило, оживало бессмысленно: свет без домов, тепло без стен, что могли бы его удержать.

— Кто-то разбудил это место, — сказал Кёрн, выслушав донесение. — Не мы. Что-то раньше нас.

Никто не смог ответить, что именно. Но по спине пробежал холодок, знакомый всем, кто прошёл войну: чувство, что за тобой наблюдают из темноты, даже если в темноте никого нет.

К утру решение созрело само — слишком очевидное, чтобы долго его обсуждать. В мёртвом городе нечего было есть, не из чего было пить — чёрная вода в воронках годилась не больше, чем дома, — и не на чем строить хоть какое-то будущее. Город был не домом, а лишь местом первого вдоха в чужом мире. Оставаться в нём означало медленно умирать среди чужих костей, дожидаясь, пока сгниют последние припасы.

— Горы, — сказал Кёрн, когда старейшины и вожаки уцелевших лагерей собрались на площади. — Разведчики говорили о перевале на востоке. Если за ним есть земля — настоящая, живая, — нам туда.

— А если там люди? — спросил кто-то из толпы. — Настоящие люди этого мира?

Кёрн не ответил сразу. Он вспомнил слова, сказанные Иле только вчера — хотя казалось, что прошла целая жизнь: что делать с миром, который их не звал.

— Тогда узнаем это на месте, — сказал он наконец. — Не раньше.

Решение было простым и одновременно рискованным: не гнать всех разом через незнакомые горы, а разбить путь на этапы. Небольшие разведывательные группы — налегке, без обозов и стариков — пойдут первыми, проверят перевал, оценят, что лежит за ним. Основная масса потянется следом, длинной растянутой цепочкой, лагерь за лагерь, семья за семьёй — так, чтобы в случае беды не потерять всех сразу.

— Я поведу первую группу, — сказал Кёрн.

Ила посмотрела на него долгим взглядом — тем самым, которым, наверное, когда-то смотрела на молодых бойцов её погибшего мира, отправляющихся туда, откуда не всегда возвращаются.

— Тогда я с тобой, — сказала она просто, и это не было вопросом.

Дрен молча закинул молот за спину. Ясна уже увязывала на ходу заплечный мешок, набитый находками, которые не давали ей покоя. Торн, как всегда, не сказал ничего — просто встал рядом, туда, где обычно вставал, когда решение уже было принято и обсуждать больше нечего.

Пятеро против неизвестности. Не первый раз в их жизни, но впервые — не против врага, которого они хоть немного знали.

К полудню первая разведывательная группа покинула мёртвый город, оставляя за спиной ржавые кости чужой цивилизации и слабые, бессмысленные огни, горящие в пустых стенах. Впереди лежали горы. За ними — неизвестность, которая, как подозревал Кёрн, вглядываясь в далёкие вершины, была куда опаснее любого перевала.

Глава 4. Тени на перевале

Со дня, когда Тирен ушёл к мёртвому городу один, минуло чуть больше месяца.

Гаст так и не решил для себя, сколько ещё они должны были ждать у границы, прежде чем со спокойной совестью повернуть на восток. В конце концов они собрались и пошли без него — не потому что кто-то отдал приказ, а потому что жизнь, какой бы она ни была теперь, продолжалась только там. Тирен обещал догнать их, когда закончит. Ни он, ни они тогда ещё не знали, сколько времени это займёт на самом деле.

Путь через Город Тысячи Врат дался тяжелее, чем в первый раз. Гаст помнил его мёртвым, беззвучным — городом, где даже эхо собственных шагов казалось кощунством. Теперь, проходя его стороной, они трое ловили себя на том, что оборачиваются на каждый шорох, будто город изменился, стал внимательнее к чужому присутствию. Никто из них тогда ещё не знал почему.

К Каменному Перевалу отряд вышел на исходе дня, когда солнце уже клонилось за спину, окрашивая скалы в тусклый рыжий свет. Именно здесь, на узкой тропе между двумя отвесными склонами, они когда-то нашли те самые трёхпалые следы, изменившие весь их путь. Гаст невольно замедлил шаг, узнавая место.

— Тут ничего не изменилось, — заметил Эйнар, оглядывая знакомые камни.

— Хотелось бы, — тихо ответила Мира.

Они поднимались по тропе, когда она вдруг остановилась — резко, будто налетев на невидимую стену. Гаст среагировал мгновенно, рука легла на рукоять меча Родрика раньше, чем разум успел спросить, что случилось.

— Там, — Мира указала вперёд, на седловину перевала, откуда открывался вид на пологий спуск к западным землям.

Гаст всмотрелся — и не сразу поверил собственным глазам.

По дну ущелья, растянувшись длинной, неровной цепью, двигались люди. Не Растерзанные — те двигались иначе, рывками, ломано. Не разбойники и не заблудившиеся путники. Их было слишком много для случайной группы: десятки, а следом, чуть дальше по склону, виднелось начало ещё более длинной колонны, теряющейся в дымке у подножия. Даже с такого расстояния было видно, что снаряжение на них незнакомое — тёмные пластины доспехов, ничем не похожие ни на кольчуги Ордена, ни на грубые кожаные накидки разбойников с трактов. Люди — если это были люди — двигались настороженно, но организованно, как отряд, привыкший идти через опасную землю.

— Кто это? — прошептал Эйнар, уже вытаскивая лук из-за спины, хотя расстояние было слишком велико для выстрела.

— Не знаю, — ответил Гаст. Внутри у него шевельнулось давнее, знакомое чувство — то самое, что охватило его много недель назад при виде первых следов у Каменного Перевала. Предчувствие, что мир снова меняется, и никто не спросил их мнения. — Но идут они не как беженцы. Слишком ровно. Слишком... по-военному.

Мира не отрываясь смотрела на переднюю часть колонны — небольшую группу из пяти человек, шедшую впереди основной массы, налегке, без обоза. Что-то в её лице изменилось, тревога сместилась в сторону сосредоточенности, будто она пыталась разобрать далёкий звук на пределе слышимости.

— Мира? — окликнул её Гаст.

— Я чувствую... — она запнулась, подбирая слова. — Не так, как чувствовала Растерзанных. Иначе. Как словно... они настоящие. Не порождение Шрама. Просто люди — только очень издалека.

Эйнар опустил лук, хотя тревога с его лица не исчезла.

— Издалека — это откуда? Дальше Города Тысячи Врат ничего нет, кроме самого Шрама.

Никто не ответил. Ответа не было ни у одного из них — а колонна внизу тем временем продолжала движение, неспешно, но неотвратно, растягиваясь по перевалу в сторону востока. В сторону обжитых земель. В сторону Старого Брода, деревень, самого Белого Клыка.

Гаст медленно опустился на колено за выступом скалы, знаком велел остальным сделать то же самое.

— Что бы это ни было, — сказал он негромко, — сначала посмотрим. Потом решим, вмешиваться или нет.

Мира не сдвинулась с места дольше остальных, всё ещё глядя вниз, на маленькую группу из пяти фигур, идущую впереди остальных. Что-то в её взгляде было почти узнаванием — будто она видела не чужаков, а отражение чего-то знакомого, только вывернутое наизнанку.

— Гаст, — сказала она наконец, не отрывая глаз от перевала. — По-моему, они тоже кого-то потеряли. Совсем недавно.

Он посмотрел на неё, не понимая, откуда такая уверенность, но спрашивать не стал. За последние месяцы он научился не переспрашивать Миру, когда она говорила таким голосом.

Втроём они замерли на скальном выступе, наблюдая, как чужая колонна медленно спускается с перевала — навстречу миру, который ещё ничего о ней не знал.

Три голоса на скале

Они не двигались ещё долго — пока солнце не скрылось окончательно, а колонна внизу не превратилась в едва различимую линию теней, растянутую по дну ущелья. Костров чужаки не разводили. Даже с такого расстояния было видно: они умеют прятаться, умеют беречь себя в незнакомой земле. Это тревожило Гаста едва ли не больше, чем сама численность идущих.

— Разбойники жгут костры, — сказал он, не оборачиваясь. — Беженцы жгут костры. Эти — нет.

— Значит, бояться, что их увидят, — отозвался Эйнар. Он так и сидел на корточках за выступом скалы, лук по-прежнему лежал у него на коленях, хотя стрелу он давно вернул в колчан. — Или знают, что их будут искать.

— Или и то, и другое, — тихо добавила Мира.

Она сидела чуть в стороне, обхватив колени руками — поза, которую Гаст помнил ещё по первым дням их знакомства, там, в Святилище, когда она была для них чужой настороженной незнакомкой, а не своей. Он невольно отметил иронию: теперь на такую же настороженную незнакомку — целую колонну незнакомцев — смотрела уже она сама.

— Что ты почувствовала? — спросил он. — Там, на перевале. Ты сказала — «они тоже кого-то потеряли».

Мира долго молчала, прежде чем ответить.

— Не знаю, как объяснить точнее. С Растерзанными я чувствовала... пустоту. Голод без памяти о том, чем он был раньше. А эти — не пустые. — Она помолчала ещё немного. — Это было похоже на то, что я почувствовала у Разлома. Голоса. Только далёкие, будто через толщу воды. Много голосов сразу, и все — усталые.

— Голоса кого? — уточнил Эйнар.

— Не знаю, — повторила она, и в её голосе впервые за разговор прозвучало что-то похожее на досаду — не на них, а на саму себя. — Элиан говорил, что дар Хранителя раскрывается не сразу. Может, я просто ещё не умею его различать до конца.

Гаст посмотрел на неё внимательнее. С того дня, как Тирен ушёл от Печати, Мира изменилась — не резко, не пугающе, но заметно для тех, кто провёл с ней достаточно времени. Она стала чаще замирать на полуслове, будто прислушиваясь к чему-то за пределами обычного слуха. Он не спрашивал её об этом прямо — подозревал, что она и сама не готова была признать, чем именно становится.

— Что бы это ни было, — сказал он наконец, — оно уже здесь. И направляется к людям, которые про него ничего не знают.

— К Старому Броду, — Эйнар нахмурился, прикидывая маршрут по памяти. — Может, дальше. Если будут держать этот же курс — то через несколько дней выйдут прямо к обжитым землям.

— Значит, нужно решить, — сказал Гаст. — Идти за ними, оставаясь незамеченными. Или спуститься и заговорить сейчас, пока они ещё в горах, вдали от людских поселений.

— А если они нападут первыми? — спросил Эйнар.

— Тогда мы узнаем это раньше, чем узнает Старый Брод, — жёстко ответил Гаст. — Лучше нам, чем деревенскому старосте с вилами наперевес.

Мира покачала головой, и оба обернулись к ней.

— Не думаю, что они нападут, — сказала она. — Не потому, что уверена в их мирных намерениях. Потому что если бы они хотели напасть — не шли бы так открыто по дну ущелья. Прятались бы в другом смысле. Не от посторонних глаз — а до нужного момента.

— Это не особо успокаивает, — заметил Эйнар.

— Я не пытаюсь успокоить, — вполголоса ответила Мира, и в этой фразе Гаст на мгновение услышал отголосок старой шутки Лорика — «я не пытался тебя успокоить», сказанной когда-то давно, у другого перевала, другим голосом, которого больше не было рядом. Судя по тому, как дрогнуло лицо Эйнара, он вспомнил то же самое.

Некоторое время никто не говорил.

— Пойдём за ними, — решил наконец Гаст. — На расстоянии. Смотрим, слушаем, не показываемся. Если они действительно идут к людям — нам нужно понять, кто они, раньше, чем это придётся объяснять кому-то с мечом в руке.

Эйнар кивнул, поднимаясь и закидывая лук за спину.

— А если они нас заметят первыми?

Гаст невесело усмехнулся, глядя на тающую в темноте линию огней — да, теперь, приглядевшись, он различал редкие, тщательно прикрытые огоньки в самом хвосте растянувшейся колонны, там, где, видимо, шли не бойцы, а те, кому не полагалось прятаться так же хорошо.

— Тогда, — сказал он, — будем надеяться, что Мира права насчёт «не сейчас».

Они начали спуск в сгущающихся сумерках, держась в стороне от основной тропы, — трое, идущие вслед за сотнями, чьи имена, язык и цели были им пока совершенно неизвестны.

Глава 5. Тень, которую заметили

Торн остановился первым.

Он не сказал ни слова — просто замер посреди тропы, чуть склонив голову, — так замирают, ловя звук на самой грани слуха. За годы Кёрн научился доверять этой его тишине больше, чем чужим криком тревоги.

— Что? — тихо спросил он, подходя ближе.

— Сзади, — так же негромко ответил Торн, не оборачиваясь, не указывая рукой — только едва заметным движением подбородка в сторону гряды скал над ущельем. — Кто-то есть. Наверху.

Кёрн не стал резко поднимать взгляд — годы гражданских войн научили его, что первым выдаёт себя тот, кто первым смотрит туда, куда смотреть не следует. Он присел, будто поправляя ремень на сапоге, и лишь тогда позволил себе скользнуть взглядом по скальному гребню.

Ничего. Только камень, тени, редкие сухие кусты, цепляющиеся за трещины.

— Ты уверен? — спросил он, понизив голос до самого края слышимости.

— Уверен, — Торн наконец обернулся, и в его взгляде не было и тени сомнения. — Не зверь. Слишком приглушённо для зверя. И слишком долго стоит на одном месте.

Кёрн подал знак остальным — короткий, почти незаметный жест, который отряд разучил ещё в годы стычек с Рваными: без паники, идём как шли. Ила уловила его мгновенно, не сбившись с шага. Ясна чуть напряглась, но тоже не подала виду. Только Дрен на миг стиснул рукоять молота крепче обычного — впрочем, тоже не оборачиваясь.

— Люди этого мира? — тихо спросила Ила, поравнявшись с Кёрном.

— Возможно, — ответил он. — А может, снова кто-то из своих, из другой группы, кто тоже решил разведать перевал.

— Так или иначе, — заметил Дрен, — они не показываются. Значит, либо боятся, либо выжидают.

Кёрн обдумал это. И то, и другое было по-своему тревожным — но выжидание тревожило больше. Кто-то, кто боится, обычно убегает или прячется дальше. Кто-то, кто выжидает, — оценивает.

— Не меняем шаг, не смотрим наверх, — сказал он вслух, достаточно негромко, чтобы слышали только свои. — Если они хотели напасть, уже напали бы. Значит, просто смотрят.

— Как и мы бы смотрели, — вполголоса добавила Ила.

Он невольно хмыкнул — она была права: окажись он на месте той тени над обрывом, поступил бы точно так же. Наблюдал бы. Считал. Решал, сколько чужаков идёт и стоит ли того, чтобы вообще показываться.

Они прошли ещё добрую четверть мили, ни разу не сбившись с ровного, размеренного шага, прежде чем Торн вновь коротко произнёс:

— Ушли.

Кёрн позволил себе, наконец, обернуться — гребень скалы был пуст, будто там никогда никого и не было. Но чувство, что за ними следили — внимательно, терпеливо, без единой ошибки, — осталось висеть в воздухе ещё долго после того, как отряд миновал перевал.

— Может, ошиблись, — не слишком уверенно предположила Ясна.

— Торн не ошибается, — коротко ответил Кёрн, и сам Торн в ответ на это лишь молча кивнул, соглашаясь не со словами, а с самим фактом, что кто-то там, наверху, всё это время был совершенно реален.

Они не стали останавливаться на ночлег там же, где планировали изначально — Кёрн увёл группу дальше в скалы, туда, где легче было заметить чужой подход заранее. Костра в ту ночь снова не разводили.

— Первая встреча уже случилась, — сказал он тихо, когда отряд устроился на ночлег среди валунов. — Просто ни одна сторона пока не решилась заговорить.

Никто не ответил. Но по тому, как долго в ту ночь никто, кроме Дрена на страже, так и не смог уснуть, было ясно: этот безмолвный обмен взглядами через пропасть ущелья тревожил всех куда больше, чем открытая стычка.

Глава 6. Пепел раньше пепла

Задолго до того, как Кёрн и остальные вышли к дымящимся руинам, здесь стояло обычное утро.

Разведотряд клана Рванных — семеро, все опытные, все пережившие не одну стычку за южные поля родного мира, — вышел к границе поселения ещё затемно. Их вёл Гаррок, немолодой уже воин с рассечённой бровью, тот самый, что три года подряд считал людей Кёрна врагами не менее заклятыми, чем сама выжженная земля. Здесь, в чужом мире, старая вражда отступила лишь на время — вместе с остальными Гаррок согласился на негласное перемирие у мёртвого города. Но перемирие не отменяло того, чем он был всю свою жизнь: человеком, который выживал, забирая то, что плохо лежит, прежде чем это заберёт кто-то другой.

— Тихо, — шепнул он своим, разглядывая частокол впереди. — Просто смотрим. Оцениваем.

Намерения, по крайней мере поначалу, были именно такими. Позади, в четверти мили, в тени леса ждали остальные — два десятка опытных бойцов, прошедших не одну зачистку в собственном мёртвом мире, и почти столько же молодых, кто хоть и не старше Ясны годами, но успел вдохнуть достаточно гари в первые, самые страшные месяцы после ядерного пламени, чтобы разучиться вздрагивать при виде крови. Дети Пепла никогда не ходили в разведку по настоящему малыми силами — привычка, впитанная с детства: тот, кто в их мире оставался один, обычно домой не возвращался.

Часовые на стене поселения увидели разведчиков первыми — семь силуэтов, вышедших из утреннего тумана со стороны, откуда никогда прежде не приходили ни торговцы, ни путники. Не разбойничьи отряды с трактов, которые здесь знали в лицо. Чужаки. Чужое снаряжение, чужая посадка плеч, чужая, слишком ровная для обычных бродяг поступь.

Молодой часовой — Кёрн так никогда и не узнает его имени — вспомнил той ночью не одну байку старших о Растерзанных и о тьме, что временами выползает из старых руин на западе. Вспомнил и то, что говорил староста после того, как над дальним лесом однажды видели странное серебристое зарево. Если увидишь что-то не наше — не жди, пока подойдёт ближе.

Рука дрогнула на тетиве раньше, чем разум успел взвесить, разумно ли это.

Первая стрела ушла в плечо одному из отряда Гаррока — не насмерть, но резко, неожиданно, как удар хлыста по нервам, натянутым две тысячи лет заморозки и один день в чужом мире.

— Ложись! — рявкнул Гаррок, но было поздно: со стены полетели новые стрелы, кто-то закричал тревогу, забили в било.

Он не стал ждать, как обернётся дело. Едва звон тревоги разнёсся над частоколом, один из его людей коротко свистнул — сигнал, который слышали не только семеро разведчиков. К тому моменту, как первые стрелы вонзились в частокол, десятки теней уже двигались через туман к поселению.

То, что случилось дальше, заняло меньше времени, чем нужно было бы, чтобы объяснить его словами.

Гаррок перелез через осевший край частокола бесшумно — руки помнили, куда ставить пальцы, ноги помнили, где выступ выдержит вес. Внутри пахло дымом очага и мокрой соломой. Мирно.

Часовой на дальней стороне стоял спиной, вслушиваясь в шум у главных ворот.

Гаррок пересёк двор в несколько широких шагов. Рука легла на плечо раньше, чем часовой успел обернуться, — рывок назад, вниз, короткое, почти беззвучное движение клинком. Тело обмякло в его руках раньше, чем упало на землю.

Он не почувствовал ничего. Только тёплую влагу на пальцах и привычную, будничную тяжесть исполненной работы.

Крики за воротами становились громче. Гаррок махнул своим — и следом, через ту же пробоину в ограде, потекли остальные, беззвучные, быстрые, как вода в трещину. А затем, уже не таясь, в открытые ворота хлынул весь отряд — почти пять десятков, вооружённых и не ждущих второго шанса на осторожность.

Где-то впереди мелькнул свет лучины — кто-то не спал, кто-то услышал шум и потянулся за оружием слишком поздно, — и звук, с которым это закончилось, потонул в общем гуле факелов и криков.

Гаррок не бежал. Не было нужды — паника внутри поселения делала эту работу за него, люди метались между домами, натываясь друг на друга в темноте, а его люди двигались сквозь этот хаос спокойно, методично, как сквозь знакомый лес.

К тому моменту, как первые лучи солнца пробились сквозь дым, всё уже было кончено.

Гаррок стоял посреди двора, глядя на то, что осталось, и чувствовал не торжество — скорее, странную, тревожную лёгкость. Впервые за много лет добыча далась им настолько просто: зерно, соль, кожа, инструмент из незнакомого, но крепкого металла — то, ради чего в родном мире приходилось платить кровью целыми сезонами, здесь взялось за одно кровавое утро.

— Люди этого мира слабее, чем мы думали, — сказал один из его бойцов, не скрывая мрачного удовлетворения.

Гаррок не ответил сразу. Он смотрел на догорающие крыши, и где-то на самом краю сознания шевельнулась мысль, которую он предпочёл не додумывать до конца: если это было так легко, что будет, когда узнают остальные?

— Уходим, — сказал он вместо этого. — Пока не пришли новые.

Отряд Рваных растворился в лесу задолго до того, как со стороны перевала показались первые фигуры — Кёрн, его команда, и следом за ними, оставаясь пока незамеченной, троика людей этого мира, идущая по следу той же беды.

Глава 7. Дым на горизонте

Перевал остался позади к полудню.

Тропа, петлявшая между отвесными склонами, наконец пошла на спуск — но не туда, где, судя по всему, начинался главный тракт, ведущий напрямую к Старому Броду и дальше, к Белому Клыку. Разведчики намеренно держались в стороне от торных дорог, срезая через нехоженные холмы южнее основного пути: меньше шанс наткнуться на людей раньше, чем отряд будет готов к встрече. Именно эта боковая тропа и вывела их не на тракт, а в глухие, редко посещаемые земли — туда, где властвовал не столичный порядок, а собственный маленький вассал, отвечавший разве что перед собственной совестью и редким сборщиком податей.

С каждым шагом воздух менялся — становился гуще, живее, наполненным запахами, которых не было в мёртвом городе: влажная земля, дальний хвойный дух, что-то похожее на дым очага. Кёрн впервые за много дней позволил себе вдохнуть полной грудью, не ловя привкуса пыли и ржавчины.

— Смотрите, — вполголоса позвала Ясна, первой вышедшая на открытый уступ.

Внизу, насколько хватало глаз, раскинулась долина — настоящая, живая, с зелёными пятнами лугов и тёмными полосами леса, спускающегося к неширокой реке. После стольких дней среди серого камня и мёртвых остовов зрелище показалось почти невероятным: земля, которая ещё способна была рожать хоть что-то, кроме пепла.

Кёрн почувствовал, как что-то внутри него на мгновение расслабилось — впервые с той секунды, как земля их родного лагеря вздрогнула и исчезла. Он не был готов назвать это надеждой. Но что-то очень похожее шевельнулось у него в груди.

Именно тогда Ила, стоявшая чуть выше по склону, замерла.

— Кёрн.

Что-то в её голосе заставило его обернуться немедленно.

Она смотрела не на долину — дальше, за неё, туда, где у подножия дальних холмов виднелось скопление низких крыш, слишком ровных и слишком многочисленных, чтобы быть случайным нагромождением камня. Поселение. Первое, что они увидели за пределами перевала.

Над ним поднимался дым.

Не тонкая струйка от очага — плотный, чёрный столб, вздымающийся вверх и медленно сносимый ветром в сторону, туда же, куда лежал их собственный путь. Такой дым Кёрн узнал бы где угодно. Он видел его слишком много раз в собственном мире, чтобы спутать с чем-то ещё.

— Это не костёр, — сказал он, и голос его прозвучал глуше, чем он рассчитывал. — Это пожар. Большой.

Дрен подошёл ближе, прищурившись против солнца.

— И не случайный, — заметил он. — Слишком ровно горит. Так горит то, что подожгли, а не то, что вспыхнуло само.

Несколько долгих мгновений никто не произносил ни слова. Кёрн смотрел на далёкий дым, и в голове билась одна мысль, которую он не сразу решился произнести вслух: они пришли не первыми.

— Мы ещё даже не спустились с перевала, — тихо сказала Ясна, будто озвучивая то, что чувствовали все. — Мы ещё никого здесь не видели. Мы никому не причинили вреда. А там уже...

— Знаю, — оборвал её Кёрн, резче, чем хотел. Он тут же пожалел об этом и продолжил мягче: — Знаю. Но это не значит, что нас не обвинят.

Ила медленно опустилась на плоский камень, не сводя глаз с дальнего пожарища.

— Если кто-то из наших уже здесь, — сказала она, тщательно подбирая слова, — и кто-то из них решил, что сила — единственный язык, который поймёт этот мир...

— То первый разговор с людьми этой земли уже случился без нас, — закончил за неё Кёрн. — И случился он плохо.

Торн не сказал ничего. Он просто смотрел на дым дольше остальных, и по его лицу — обычно непроницаемому — на мгновение промелькнуло что-то похожее на узнавание. Кёрн заметил это и понял без объяснений: Торн уже видел, как выглядит первый день войны. Не с этой стороны разлома — с той, оставшейся позади, в их собственном погибшем мире.

— Могло быть не наших рук дело, — заметил Дрен, впрочем, без особой убеждённости. — Мир большой. Люди могут воевать между собой без нашей помощи.

— Могло, — согласился Кёрн. — Но проверить это можно только одним способом.

Он посмотрел на своих — на Илу, всё ещё сидевшую неподвижно, на Ясну, машинально сжимавшую лямку заплечного мешка, на Дрена, уже перехватившего молот поудобнее, на Торна, застывшего в напряжённом молчании.

— Идём туда, — сказал он наконец. — Тихо. Не показываясь, пока не поймём, что произошло и кто это сделал.

— А если это сделали свои? — приглушённо спросила Ясна.

Кёрн ответил не сразу.

— Тогда нам нужно узнать это раньше, чем узнают остальные, — сказал он. — Потому что если один пожар решит всё за нас, ни одна сторона уже не станет слушать про мирные намерения. Ни та, ни другая.

Он в последний раз взглянул на далёкую долину — ещё недавно казавшуюся обещанием новой жизни, а теперь отмеченную чёрным столбом дыма, будто сама земля уже выставила предупреждающий знак тем, кто рискнёт спуститься с перевала.

Отряд начал спуск в молчании, и с каждым шагом дым на горизонте становился только ближе.

Глава 8. Пепелище

Поселение оказалось меньше, чем виделось издалека, — десятка два дворов, обнесённых невысоким частоколом, давно прогоревшим до чёрных обугленных кольев. К тому времени, как отряд Кёрна спустился в долину, огонь уже почти угас, оставив после себя дымящиеся остовы крыш и запах, который Кёрн ненавидел сильнее любого другого запаха на свете, — смесь гари, палёной шерсти и чего-то, о чём лучше было не думать напрямую.

— Тихо, — шепнул он, останавливая отряд у кромки леса.

Торн беззвучно указал вперёд, между обугленными изгородями. Там, среди пепла, двигались фигуры — три силуэта, осторожно пробиравшиеся через руины. Не мародёры: слишком собранны, слишком настороженны, оружие наготове, но не поднято.

Кёрн замер, вглядываясь. Не свои — снаряжение другое, чужое, тяжелее и грубее того, что носили Дети Пепла. Люди этого мира.

Гаст остановился у обугленной стены того, что когда-то было амбаром, и медленно опустил руку с меча, хотя расслабляться не спешил. Пожарище выглядело так, будто здесь прошла не банда разбойников, а нечто гораздо более организованное — дома подожжены равномерно, с нескольких сторон сразу, а не хаотично, как бывает при обычном набеге.

— Не разбойники, — тихо сказал он, эхом собственных мыслей Кёрна, стоявшего в полусотне шагов, ещё не замеченным.

— Тогда кто? — так же негромко спросил Эйнар, осматривая остатки частокола. Он опустился на колено у обгорелого столба ворот и провёл пальцами по глубокой борозде в дереве — не от огня. От удара чем-то тяжёлым, оставленным на скорую руку.

Мира не отвечала. Она медленно шла между руинами, склонив голову набок, — и вдруг остановилась, резко, как несколько дней назад на перевале.

— Гаст, — произнесла она едва слышно.

Он обернулся — и увидел то же, что и она: на другом краю пепелища, среди дымящихся балок, стояли пятеро. Не Растерзанные. Люди — или что-то очень на них похожее, — застывшие так же неподвижно, как и сам Гаст мгновением раньше.

Несколько долгих секунд ни одна из сторон не двигалась.

Кёрн смотрел на троих чужаков сквозь дымную пелену и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Один из них — высокий, седой мужчина с обнажённым мечом — держался так, что сразу становилось ясно: воин, и не из последних. Рядом — светловолосый мужчина с луком, стрела уже наполовину извлечена из колчана, хотя тетиву он пока не натягивал. А третья — женщина в тёмном плаще — смотрела не столько на самого Кёрна, сколько сквозь него — так, будто видела то, чего не видели остальные.

Он поднял руку — медленно, ладонью вперёд, как поднимал бы её перед любым чужим лагерем, желая показать, что не держит оружия наготове.

Дрен за его спиной издал едва слышный предупреждающий звук — не согласный с этим жестом, но не посмеавший ему помешать.

Седой мужчина не опустил меча. Но и не двинулся вперёд.

— Они не нападают, — негромко произнёс Эйнар, не сводя взгляда с чужаков.

— Пока, — так же вполголоса ответил Гаст, но руку с меча не убрал.

Мира сделала полшага вперёд, и Гаст напрягся, готовый удержать её, — но она остановилась сама, вслушиваясь в то, что повисло в воздухе между двумя группами.

— Это они, — сказала она едва слышно. — Те голоса с перевала. Здесь то же самое чувство.

— И что это значит? — так же тихо спросил Гаст.

— Значит, — ответила она, не отрывая взгляда от поднятой ладони чужака напротив, — что они боятся не меньше нас.

Никто не решался заговорить первым.

Между двумя группами, среди чающих развалин чужого дома, стояла тишина, плотная, как перед грозой, — и в этой тишине Кёрн отчётливо понимал: один неверный жест, один резкий звук, одна рука, слишком быстро потянувшаяся к оружию с любой стороны, — и то, что случилось с этим поселением, повторится снова, только уже их собственными руками.

Он медленно, очень неторопливо опустился на одно колено — не поза сдачи, но явный, читаемый жест: я не пришёл драться. Дрен позади издал сдавленный звук неодобрения, но остался на месте.

Седой воин на другом конце пепелища чуть склонил голову — не поклон, но что-то похожее на признание жеста.

Первое слово так и не было произнесено ни одной из сторон в тот день. Но что-то — какое-то хрупкое, невысказанное перемирие — повисло в воздухе между обугленными руинами, точно единственное, что не позволило пожару стать местом ещё одной, куда более страшной трагедии.

Общий язык

Первый настоящий прорыв случился не благодаря словам.

Ясна, до этого державшаяся позади Кёрна, вдруг шагнула вперёд, не дожидаясь разрешения, и указала на обгорелые развалины амбара, где среди пепла виднелись рассыпанные, но уцелевшие мешки зерна. Затем показала на свой пустой заплечный мешок, на свой живот, изобразила самый простой, самый понятный жест на любом языке — поднесла сложенные пальцы ко рту.

Эйнар невольно фыркнул — не от насмешки, а от узнавания.

— Голодная, — сказал он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь, и, к своему удивлению, чужак — крупный, молчаливый, с тяжёлым молотом за спиной — вдруг качнул головой, будто уловив тон, если не смысл.

Кёрн, заметив это, обернулся к Ясне и коротко произнёс что-то на своём языке — резко, предупреждая, — но Ила вскинула руку, останавливая его.

— Пусть, — сказала она вполголоса. — Голод они поймут в любом случае. Лучше показать нужду, чем скрывать её и создавать впечатление, что мы явились как воры.

Кёрн помедлил, затем кивнул, соглашаясь.

Гаст, наблюдая за этим коротким обменом, повернулся к Мире.

— Что думаешь?

— Что они такие же голодные, как мы были после Каменного Перевала, — тихо ответила она. — И такие же уставшие бояться.

Он не сразу нашёлся с ответом. За месяцы пути с Тиреном он привык доверять её чутью — иногда против собственного здравого смысла, — и сейчас чутьё явно советовало не хвататься за меч.

— Ладно, — сказал он наконец, убирая клинок в ножны до конца — первый по-настоящему завершённый жест доверия за весь день. — Если они голодны, покажем, что не откажем в этом даже врагу. Особенно — не врагу.

Эйнар вопросительно поднял бровь, но спорить не стал: молча снял с пояса дорожный мешок с остатками вяленого мяса и хлеба — небогатый запас, рассчитанный на них троих, — и, не подходя слишком близко, положил его на обугленную землю на полпути между двумя группами.

Несколько долгих мгновений никто не двигался.

Затем Кёрн сделал то же самое — снял со спины свой мешок и положил его рядом, чуть ближе к людям, чем мешок Эйнара был к Детям Пепла, — символический шаг вперёд, который не остался незамеченным ни одной из сторон.

Ила приглушённо усмехнулась — устало, но искренне.

— Обмен, — сказала она, глядя не на Кёрна и не на Гаста, а куда-то между ними. — Начинается всегда с еды. Так было и до войны, если верить песням.

Дальше пошло медленнее, но пошло. Жест за жестом, короткое слово за словом — не образующие ещё связной речи, но начинающие складываться в скудный, ломаный словарь на двоих. Ясна, оказавшаяся на удивление способной к этому, первой уловила пару человеческих слов — «вода», «огонь», «идти» — и с жадностью, свойственной ей во всём, начала повторять их вслух, коверкая произношение, но вызывая тем самым первую за весь день невольную, короткую улыбку на лице Эйнара.

— У тебя ужасный акцент, — заметил он, хотя знал, что она не поймёт ни слова.

— Что он сказал? — спросила она у Кёрна.

— Не важно, — ответил тот, впервые за долгое время позволив себе почти улыбнуться. — Судя по тону, не оскорбление.

Солнце клонилось к закату, когда обе группы наконец опустились на землю по разные стороны угасающего пожарища — не как враги, готовые к драке, и ещё не как союзники, но уже как те, кто хотя бы согласился разделить одно пространство без крови между ними.

— Что теперь? — тихо спросил Эйнар у Гаста.

Гаст посмотрел на Кёрна — тот, в свою очередь, смотрел на него с той же неразрешённой тревогой в глазах.

— Теперь, — сказал Гаст медленно, понимая, что его никто здесь не поймёт, но всё равно произнося это вслух, будто для самого себя, — нужно решить, что делать с тем, что случилось здесь до нас. И как рассказать об этом людям, которые не станут ждать вежливого разговора, прежде чем схватиться за оружие.

Торн, до этого молчавший весь вечер, вдруг поднял взгляд на горизонт, туда, откуда они пришли, — и что-то в его позе заставило напрячься сразу всех, кто это заметил.

Вдалеке, там, где тропа спускалась с холмов в сторону обжитых земель, показались всадники.

Глава 9. Огни в темноте

План складывался мучительно долго — слишком много всего нужно было объяснить жестами и ломаными, только что выученными словами, чтобы обе стороны поняли одно и то же одинаково.

— Пойдём втроём, — сказал наконец Гаст, обращаясь и к своим, и, через паузу, пытаясь донести смысл до Кёрна взглядом и жестами. — Я, Мира, Эйнар. Постараемся объяснить лорду, что случилось, прежде чем он увидит вас.

Кёрн долго молчал, обдумывая. Ила у него за плечом негромко произнесла что-то на своём языке — очевидно, тот же довод, что вертелся в голове у Гаста: чужое лицо, появившееся внезапно перед вооружённым лордом, скорее подожжёт стычку, чем погасит её.

— Хорошо, — Кёрн кивнул, вложив в этот жест столько согласия, сколько смог. Затем указал на себя, на своих людей, на землю у их ног — и на солнце, показав пальцем короткую дугу по небу. Ждём здесь. Недолго.

— Понял, — ответил Гаст, хотя не был до конца уверен, что понял правильно. — После того, как поговорим — вернёмся за вами.

Мира на прощание задержала взгляд на Иле — не тревожный, а какой-то по-настоящему тёплый, насколько это было возможно между двумя едва знакомыми людьми из разных миров, — и первой тронулась в путь.

Дорога к лагерю лорда заняла чуть больше часа. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая холмы в глубокий багровый цвет, когда впереди, между деревьями, показались первые сторожевые костры.

Гаст замедлил шаг, поднимая руку — знак остальным остановиться. Что-то было не так. Костры горели слишком ярко. Слишком беспорядочно.

— Это не лагерь на отдыхе, — тихо сказал Эйнар, уже вслушиваясь в темноту впереди.

Лагерь лорда спал тем неглубоким, настороженным сном, каким спят вооружённые люди на чужой, ещё не до конца доверенной земле. Костры прогорели до углей, лишь кое-где огонь ещё цеплялся за смолистое полено, бросая на полотно шатров дрожащие, вытянутые тени. Между палатками покачивались редкие масляные лампы на кольях — тусклые жёлтые пятна, едва разгонявшие густую, почти осязаемую темноту леса вокруг.

Тишина стояла такая, что было слышно, как потрескивают угли и позвякивает упряжь у коновязи.

А потом тишина оборвалась разом — коротким, захлебнувшимся криком со стороны северного поста.

— Тревога! К оружию!

Крик подхватили ещё двое, затем ещё — эхом, паникой, бегущей по лагерю быстрее самого нападения. Из темноты, там, где ещё секунду назад стояла глухая стена леса, хлынули тени — быстрые, низкие, почти беззвучные до того самого мгновения, как первый клинок нашёл первую жертву.

Часовой у северного поста успел выкрикнуть предупреждение прежде, чем упал — и этот единственный крик, вырванный из горла быстрее, чем нож, купил остальным лагерем те немногие секунды, которых хватило, чтобы не быть вырезанными во сне. Десяток жизней, а может, и больше, был обязан этому одному голосу, прозвучавшему на полмгновения раньше, чем следовало умирающему.

Молодой солдат по имени Осгар выкатился из шатра, не успев толком проснуться, — и первое, что он почувствовал, был холод травы под босыми ногами, а не страх. Страх пришёл на полшага позже, вместе со звоном стали где-то совсем рядом.

Кольчугу он натягивал уже на бегу, одной рукой, другой шаря в темноте за мечом — пальцы наткнулись на щит раньше, чем на клинок, и он схватил щит, потому что времени искать дальше не было.

Тень метнулась слева. Он вскинул щит не глядя, на звук, — и удар пришёлся плашмя, отбросил руку, обжёг плечо болью до самого локтя. Он не упал. Устоял.

— Строй! Держать строй!

Голос откуда-то из темноты, чужой, хриплый, но с той властью, которой невозможно не подчиниться. Осгар шагнул вбок, к соседнему щиту — не своему, чужому, но какая разница, — и почувствовал, как локоть соседа упирается в его локоть. Опора. Стена.

Что-то прыгнуло на них из мрака — быстрое, низкое. Копьё соседа справа ушло вперёд раньше, чем Осгар успел испугаться за себя, и тень напоролась на острие с коротким, захлебнувшимся звуком.

Дышать было нечем. Пот заливал глаза, смешиваясь с чужой кровью, брызнувшей на лицо секундой раньше, — чьей, он не знал и не хотел знать.

Ещё удар. Щит выдержал. Ещё один — выдержал, но рука взвыла.

Строй держался. Не потому что было легко, — потому что рядом дышал живой человек, и потому что за спиной больше некуда было отступать.

Атака, обрушившаяся на лагерь безудержным, всесокрушающим валом, постепенно теряла разгон. Стена щитов гнулась, трещала, но не ломалась, — и с каждой минутой нападавшие всё реже находили в ней слабинку.

Силы медленно, кроваво, но неотвратно уравнивались.

Гаст, Мира и Эйнар видели лишь последние отблески этого перелома, вырываясь на край лощины, — уже не одностороннюю резню, а настоящую битву, где чаша весов ещё не определилась окончательно, а огонь редких уцелевших костров выхватывал из темноты то отчаянно смыкающиеся щиты, то падающие тела, то короткие, страшные в своей стремительности поединки на самом краю света и тени.

— Нужно вмешаться, — повторил Гаст, уже вытаскивая меч.

— На чьей стороне? — резко спросила Мира, но ответа не дождалась — не потому что Гаст не знал, а потому что ответ был слишком очевиден, и произносить его вслух не было времени.

Он бросился вниз, в лощину, навстречу огню и крикам, а Эйнар вскинул лук, отыскивая в мечущейся тьме первую ясную цель. Мира на мгновение замерла, глядя туда, откуда они пришли, — туда, где остался ждать Кёрн со своими, не знающий ещё, что случилось всего в получасе ходьбы от места их короткого, хрупкого перемирия.

А затем тьма впереди взорвалась новым криком, и она бросилась следом за Гастом — в самое сердце боя, где сталь звенела о сталь, а кровь на земле уже не разбирала, чья она — Рванных, солдат лорда или тех немногих, что просто оказались не в то время не в том месте.

Глава 10. Что остаётся после боя

Гаст перемахнул через поваленное бревно, и мир на миг сжался до одной полосы света и тьмы: костёр слева, пляшущие тени справа, и между ними — движение, слишком быстрое, чтобы быть своим.

Меч он поднял ещё в прыжке, на одном чутье. Клинок противника прошёл там, где секунду назад была его голова, — свист у самого уха, тонкий, ледяной. Гаст повернул корпус, ушёл с линии удара и рубанул наотмашь, не целясь, просто туда, где должна была быть рука.

Попал.

Крик, короткий, сорванный. Тень отшатнулась, зажимая плечо, и Гаст уже не смотрел, куда она упала, — шагнул дальше, туда, где смыкались щиты солдат, вставая рядом, а не напротив.

— Держитесь плотнее!

Собственный голос показался чужим — хриплым, слишком громким для горла, которое ещё минуту назад дышало спокойно в ночной тишине.

Ладонь взмокла на рукояти. Гаст перехватил её удобнее и шагнул вперёд, встречая следующего. Удар пришёл снизу, туда, где заканчивался нагрудник, и он едва успел подставить клинок плащом, приняв тяжесть всем предплечьем. Рука взвыла от толчка. Он не дал себе времени это почувствовать — ответил коленом, коротко, и когда противник согнулся, довершил дело сверху.

И тогда же, с другого края ложины, в бой ворвались ещё пятеро.

Первым пришёл не звук — запах. Горелое масло, конский пот, что-то тёплое и металлическое, что Кёрн узнал желудком раньше, чем разумом. Кровь.

Потом звук — не единый удар, а рваная, захлёбывающаяся какофония: крик, оборванный на середине; глухой стук щита о щит; чей-то хрип, слишком долгий для живого человека.

Ноги побежали раньше, чем он решил бежать.

— За мной! — вырвалось само, куда-то назад, через плечо. Он даже не был уверен, что кто-то услышал, — просто знал, что они уже бегут рядом. Так было всегда.

Склон нёсся навстречу слишком быстро. Камни под сапогами. Ветка хлестнула по щеке — боли он не почувствовал, только тёплую влагу тонкой линией. Впереди, в разрывах дыма, металось оранжевое: костры, факелы, что-то горящее, что не должно было гореть.

Ближайший противник даже не заметил новую тень слева. Клинок вошёл в незащищённый бок раньше, чем тот успел развернуться.

Победы Кёрн не почувствовал. Только короткую, тошнотворную тяжесть в груди — и тело, оседающее к земле у его ног.

Сзади ахнул чей-то короткий вскрик — Ясна, судя по голосу, — и он не обернулся: обернуться сейчас значило умереть чуть быстрее. Дрен прошёл слева тяжёлой тенью, и звук, с которым молот встретил чей-то шлем, отозвался в костях Кёрна раньше, чем в ушах, — глухой, влажный, окончательный. Торн двигался следом, тихий и стремительный, будто тень среди теней, и там, где он проходил, оставались тела, а не крики. Ила прикрывала спину Кёрна, как делала это годами, без единого слова, без необходимости в словах.

Солдаты лорда, ещё секунду назад с трудом удерживающие строй, замерли при виде новых фигур, врывающихся в бой, — чужая броня, чужое оружие, лица, которых никто здесь прежде не видел. На один страшный удар сердца показалось, что сейчас сражение вспыхнет заново, уже на два фронта, и хаос ночи станет полным.

Но чужаки били не по ним.

— Они с нами! — прохрипел Гаст, перекикая шум боя, хотя сам не был уверен, услышит ли его хоть кто-то в этой мешанине звона и криков. — Не трогайте их!

Понял ли его хоть один солдат в пылу схватки — сказать было сложно. Но зрелище говорило само за себя красноречивее любых слов: пятеро незнакомцев рубились плечом к плечу против общего врага, и с каждой секундой становилось всё очевиднее, на чьей они стороне.

Рваные, и без того теряющие первоначальный напор, при виде новых противников — быстрых, безжалостных, бьющих с той же самой партизанской беспощадностью, какой славились они сами, — дрогнули по-настоящему.

— Отходим! — прохрипел чей-то голос среди Рваных — уже не приказ, а мольба.

Те немногие, кто ещё держался на ногах, отступили — не строем, а россыпью, каждый сам по себе, в темноту леса, унося раненых и оставляя мёртвых там, где те упали.

Тишина, наступившая после, оказалась почти невыносимее самого боя. Только стоны раненых, треск догорающих костров и хриплое дыхание тех, кто выжил, но ещё не поверил в это до конца.

Гаст медленно опустил меч, оглядывая лагерь. Земля была изрыта, залита кровью, усеяна телами — своими и чужими вперемешку, — а теперь ещё и с пятью незнакомцами, стоящими посреди этого хаоса с окровавленным оружием в руках, разглядывающими солдат лорда так же настороженно, как и солдаты — их.

— Кто вы такие? — раздался голос за спиной — властный, хриплый от усталости и ещё не остывшей ярости.

Гаст обернулся. Перед ним стоял немолодой мужчина в наполовину застёгнутом доспехе, с окровавленным мечом в руке и взглядом человека, только что видевшего, как гибнут его люди, — вассал, ради которого весь этот отряд и вышел в путь. Взгляд лорда метнулся с Гаста на Кёрна и его группу и замер там — долгим, изучающим, полным вопросов, для которых ещё не существовало ответов.

— Путники, — ответил Гаст осторожно. — Оказались рядом. Помогли, чем могли.

— А они? — лорд качнул подбородком в сторону Кёрна, не отрывая от него взгляда.

Гаст замаялся лишь на мгновение — но этого мгновения хватило, чтобы лорд заметил заминку.

— Это долгий разговор, — сказал Гаст наконец. — И, боюсь, ещё не оконченный. Но эти люди только что сражались на вашей стороне. Против тех же, кто сжёг деревню, что вы приехали проверить.

Лорд долго молчал, переводя взгляд с обугленных тел Рваных на пятерых незнакомцев, стоящих плечом к плечу, — таких же уставших, таких же окровавленных, как и его собственные солдаты.

— Тогда, — сказал он тяжело, — мне придётся выслушать этот разговор прямо сейчас. Потому что утром я должен буду написать в Белый Клык и в столицу, что на моей земле объявился новый враг. И новый... — он запнулся, подбирая слово, — союзник, судя по всему. Мне нужно знать, что из этого правда.

Кёрн, всё ещё тяжело дыша после боя, встретил взгляд лорда прямо, не отводя глаз, и хотя ни один из них пока не понимал языка другого, оба прекрасно понимали, что этот безмолвный обмен взглядами значит начало чего-то, что уже нельзя будет взять назад.

Глава 11. Пепел на рассвете

Рассвет пришёл серый, безрадостный, высвечивающий то, что ночь милосердно скрывала во тьме.

Работа началась без приказов — люди сами знали, что делать после боя: собирать раненых, тушить остатки костров, разбирать оружие, годное к службе, от того, что уже никому не пригодится. И собирать тела.

Своих узнавали сразу — по лицу, по гербу на плаще, по кольцу на пальце или шраму, знакомому товарищам ещё с прошлой службы. Их укладывали рядами, закрывали глаза тем, у кого они ещё оставались открытыми, и это было тяжело, но привычно тяжело — так, как бывает тяжело всегда, когда хоронишь своих.

Но когда дошло до тел Рваных, работа замедлилась.

— Глянь сюда, — позвал один из солдат, присевший над телом молодого нападавшего.

Подошедший товарищ долго молчал, разглядывая лицо мёртвого — бледное, почти сероватое, с пятнами полного отсутствия пигмента у виска, будто кожа местами выцвела на солнце неравномерно. Глаза, всё ещё приоткрытые, оказались настолько светлыми, что радужка едва не терялась на фоне белка.

— Это не человек, — сказал он вполголоса.

— Человек, — возразил другой солдат, подошедший ближе. — Просто... не такой. Смотри на руки — обычные руки. Пальцы, ногти, всё как у нас.

— А глаза?

Никто не смог ответить сразу. Слух быстро расходился по лагерю — от одного тела к другому, от одной группы солдат к следующей, — и с каждым новым телом росла не только тревога, но и то особое, суеверное беспокойство, которое всегда сопровождает встречу с чем-то, что почти похоже на знакомое, но не совсем.

— Растерзанный? — спросил кто-то шёпотом, и это слово, произнесённое вслух, заставило вздрогнуть даже тех, кто до этого держался спокойно.

— Нет, — коротко ответил лорд, подошедший к телам вместе с Гастом. — Растерзанные не истекают кровью так, как истекают эти. И не хоронят своих раненых — а эти уносили с собой, пока могли.

Он присел на корточки рядом с одним из тел, разглядывая незнакомую броню — пластины тёмного металла, пригнанные с точностью, какой не знали здешние кузнецы, ремни и застёжки, сочетавшие грубую практичность с деталями, назначения которых лорд не мог даже предположить.

— Это работа не наших рук, — сказал он наконец. — Ни оружейников Ордена, ни южных мастеров. Я такого металла прежде не видел.

Гаст, стоявший рядом, невольно вспомнил свой собственный первый взгляд на Кёрна там, на пепелище сожжённой деревни, — то же самое смешение узнавания и странности, тот же холодок вдоль позвоночника при виде лица, почти человеческого, но неуловимо, неправильно другого.

— Как и мы для вас, наверное, — заметил он тихо.

Лорд поднял на него взгляд — острый, оценивающий.

— Вот об этом я и хотел поговорить, — сказал он. — Ты назвался путником. Но ты, женщина и лучник — вы тоже не из этих земель. Я достаточно повидал гербов на своём веку, чтобы узнать герб Ордена Белого Клыка — и у вас его нет, хотя меч у тебя, — он кивнул на клинок Гаста, — я узнаю. Это оружие Ордена. Не купленное, не украденное — такое дают, а не продают.

Гаст не стал отрицать очевидное.

— Мы были в Ордене, — сказал он. — Давно уже сами по себе. Долгая история, милорд, и я расскажу её вам честно — но не здесь, не среди тел.

Лорд долго смотрел на него, затем медленно кивнул, поднимаясь на ноги.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда у костров. Когда мы похороним своих — и решим, что делать с телами тех, кто, судя по всему, не совсем чужие вашим новым спутникам.

Он бросил взгляд в сторону Кёрна, стоявшего чуть поодаль со своими — все пятеро молча наблюдали за тем, как разбирают тела Рваных, и по лицу Ясны было видно, что даже она, при всей своей живости, не находит в себе сил шутить над увиденным. Разница между их клановой враждой у себя дома и этим — трупами соплеменников, разложенными на чужой, безразличной к их горю земле, — была слишком велика, чтобы её не почувствовать.

К полудню погребальные костры для солдат лорда были сложены и подожжены — высокие, аккуратные, с должными словами, произнесёнными усталым, охрипшим голосом капеллана. Тела Рваных лорд велел сжечь отдельно, чуть в стороне, без слов и почестей, но и без осквернения — практичное, немилосердное, но не жестокое решение человека, у которого не было ни времени, ни желания решать более сложные вопросы прямо сейчас.

Когда оба костра — большой и малый — разгорелись, а солнце начало клониться к вечеру, лорд наконец обернулся к Гасту и, чуть помедлив, к Кёрну.

— Ну, — сказал он, садясь на поваленное бревно у самого края лагеря и жестом приглашая остальных сделать то же самое. — У нас впереди целая ночь, а сна, боюсь, никому из нас всё равно не видать. Рассказывайте. Оба.

Глава 12. Разговор у костров

Костёр перед ними горел невысоко, экономно — не для тепла, ночь выдалась не такой уж холодной, а для того привычного, почти обрядового ощущения, с которым люди издавна садятся вести трудные разговоры.

Лорд — представившийся, наконец, как Ренард, вассал земель Северного Предела, — сидел напротив, положив меч на колени, не как угрозу, а как то, с чем не расстанутся даже в минуту относительного покоя. По обе стороны от него расположились двое офицеров, ещё не оправившихся от ночи, но слушавших внимательно.

— Начну я, — сказал Гаст, — потому что мою историю проще всего проверить. Спросите в Белом Клыке про отряд, вышедший месяцы назад на запад и не вернувшийся почти в полном составе. Спросите про оруженосца по имени Тирен.

Ренард нахмурился, вороша палкой угли.

— Слышал что-то. Погибший отряд, идущий к Шраму. Легенда уже начала расползаться по трактам — то ли героическая, то ли трагическая, смотря кто рассказывает.

— И то, и другое — правда, — сказал Гаст приглушённо. Он говорил долго — не всё, не каждую деталь, но достаточно, чтобы Ренард понял главное: Шрам запечатан, ценой одной жизни, и мир, каким его знали последние две тысячи лет, только что изменился так, что ещё никто толком не осознал масштаба.

— Значит, Шрам закрыт, — медленно произнёс Ренард, когда Гаст закончил. — Это должно быть хорошей новостью.

— Была бы, — ответил Гаст, — если бы вместе с ним не открылось что-то ещё.

Он кивнул в сторону Кёрна.

Дальше пришлось труднее — не из-за содержания, а из-за самого разговора, который приходилось вести через два несовершенных, ещё не до конца сложившихся моста: Мира переводила то немногое, что уже понимала из языка Детей Пепла, а Ила — то немногое, что уже понимала из языка людей, и оба перевода сходились где-то посередине, неполные, приближительные, но достаточные, чтобы основной смысл долетал до обеих сторон.

Кёрн говорил медленно, давая Иле время подбирать слова.

— Наш мир умер, — сказала Ила, повторяя за ним, запинаясь на непривычных словах. — Не от Шрама. От нас самих. Война. Огонь, который никто уже не мог остановить.

Один из офицеров лорда невольно перекрестился — древний жест, значение которого давно стёрлось, но привычка осталась.

— Мы жили в пепле, — продолжала Ила голосом Кёрна. — Долго. Потом — тьма. Не наша. Ваша. Забрала нас — не спрашивая.

Гаст медленно поднял взгляд.

— Откуда ты знаешь, что она наша? — спросил он тихо.

Кёрн долго молчал, прежде чем ответить через Илу.

— Серебро, — сказал он наконец. — Молнии по земле, как змеи. Без грома. Без дождя. Так было, когда всё случилось. Я думал, это конец нашего мира во второй раз. Но потом... — он помедлил, подбирая слово, которого не было в новом, ломаном словаре. — Потом узнал этот свет здесь. В городе, где мы очнулись. В его стенах.

Гаст почувствовал, как что-то внутри него медленно, тяжело сдвигается с места, — не удивление, скорее подтверждение того, что он давно подозревал, но не решался произнести вслух.

— Это Тирен, — сказал он тихо, ни к кому конкретно не обращаясь. — Мой друг. Он занял место Хранителя у самого Разлома — там, где рвётся сама ткань мира. Запечатал тьму,

что вырывалась оттуда две тысячи лет. Серебряный свет, молнии без грома — это она. Была она.

Ренард нахмурился.

— Занял место Хранителя. Значит, он теперь там... заперт?

Гаст покачал головой.

— Нет. Он свободен. Шёл с нами первые недели — живой, обычный, ел у того же костра. А потом однажды утром сказал, что не пойдёт дальше на восток. Не сейчас.

— Почему? — тихо спросил Кёрн через Илу.

— Огни, — ответил Гаст. — На разрушенных постах у Разлома горят те же символы, что и в самом Замке. Он увидел их в день, когда всё закончилось, и не смог отвернуться. Ушёл искать ответы среди этих руин — один, потому что не хотел рисковать никем, кроме себя.

Мира, до этого молчавшая, тихо произнесла, скорее для себя:

— Значит, в тот самый миг, когда Тирен запечатывал Разлом... тьма, державшая их вместе в их собственном мире, дёрнулась в последний раз. И вырвала их с собой. Не отпустила — а забрала, прежде чем закрыться навсегда.

За столом повисло молчание — тяжёлое, совсем другое, чем прежде. Ренард переводил взгляд с Гаста на Кёрна, не до конца понимая всех слов, но прекрасно понимая перемену в лицах.

Кёрн долго смотрел в огонь.

— Значит, ваш друг, — сказал он наконец через Илу, — спас свой мир. И этим же самым действием сломал наш второй раз.

Гаст не нашёл, что ответить. Не было слов, которые сделали бы эту правду легче — ни для него, ни для человека, только что узнавшего, что жертва, которой он до сих пор гордился, обернулась для кого-то ещё новой, невольной раной.

— Он не знал, — сказал Гаст наконец. — Не мог знать.

— Это ничего не меняет, — тихо ответил Кёрн. Но в его голосе не было ни ярости, ни обвинения — только усталое, горькое узнавание того, что в этом сломанном мире, кажется, у каждого спасения есть своя, никем не выбранная цена.

— Значит, вы не враги нам, — медленно произнёс Ренард, — а такие же жертвы обстоятельств, как и мы сами узнали только вчера.

— Не все из нас думают одинаково, — сказал Кёрн через Илу, и по тому, с какой тщательностью он подбирал следующие слова, было видно, что этот момент для него особенно важен. — Те, кто напал вчера. Не мы. Но — наши. Одной крови. Одной беды.

Ренард долго молчал, глядя на огонь.

— То есть, — сказал он наконец, — если я правильно понимаю, вас, чужаков из другого мира, — не горстка, а много. И среди вас есть те, кто хочет мира с нами. И те, кто уже сжёг деревню на моей земле.

— Да, — просто ответил Кёрн, не пытаясь смягчить правду.

— Это, — сказал Ренард с невесёлым смешком, — самая честная вещь, которую мне сказали за последние два дня.

Он поднялся, прошёлся вдоль костра, обдумывая услышанное, затем снова сел, на этот раз ближе.

— Вот что я скажу вам обоим, — произнёс он. — Я не могу написать в столицу и в Белый Клык, что на моей земле объявились мирные чужаки из другого мира и всё в порядке. Мне не поверят, а если поверят — пришлют войско, и оно не станет разбираться, кто из вас друг, а кто враг. У меня есть немного времени, прежде чем весть дойдёт дальше моих собственных земель. Не много. Может, несколько дней.

— Что вы предлагаете? — спросил Гаст.

— Предлагаю, — сказал Ренард, глядя то на него, то на Кёрна, — использовать это время с умом. Прежде чем весь мир услышит про Детей Пепла из уст перепуганных крестьян и разгневанных лордов, кто-то должен рассказать эту историю первым — так, как рассказали её мне сейчас. Спокойно. У костра. С правдой, а не со страхом.

Мира, до этого молчавшая, впервые заговорила сама, обращаясь напрямую к Ренарду.

— А как насчёт тех, кто уже выбрал войну? — тихо спросила она. — Клан, что напал вчера — что вы будете делать, если они снова нападут раньше, чем кто-то успеет рассказать правду?

Ренард долго не отвечал.

— Тогда, — сказал он наконец тяжело, — правда придёт слишком поздно для очень многих. И это будет уже не моя земля решать, чем всё закончится.

Огонь угасал медленно, а разговор продолжался далеко за полночь — не решая всех вопросов, но заложив то небольшое, без чего ни один мир, ни человеческий, ни пришедший из пепла другого, не может двигаться дальше: хрупкое, неполное, но настоящее понимание того, с чем каждая сторона теперь имеет дело.

Глава 13. Ложь, которая громче правды

Гаррок вернулся к мёртвому городу спустя несколько дней после налёта — путь через перевал в обе стороны дался тяжело, — исхудавший, с перевязанной рукой, но с той тяжёлой, мрачной уверенностью в шаге, какая появляется у человека, унёсшего с собой больше, чем он рассчитывал получить.

Весть о возвращении его отряда разнеслась по руинам быстрее, чем сам Гаррок успел дойти до центральной площади, где всё ещё теплилось хрупкое временное согласие между кланами, ожидающими своей очереди уйти на восток.

— Рваные вернулись, — передавали из уст в уста. — С добычей.

К тому времени, как Гаррок и его люди достигли площади, вокруг них уже собралась толпа — усталая, голодная, изверившаяся в мёртвом городе настолько, что любая новость воспринималась жадно, как долгожданная пища.

Он не стал скромничать.

— Зерно, — сказал он громко, указывая на мешки, которые несли за ним уцелевшие бойцы. — Соль. Кожа. Металл, какого вы здесь ещё не видели. Целая деревня — и никто не успел даже толком защититься.

По толпе прокатился гул — не восторга, но того особого, голодного внимания, с каким слушают о еде те, кто давно её не видел.

— А люди? — спросил кто-то из старейшин соседнего клана. — Что с людьми этого мира?

Гаррок помедлил лишь мгновение — ровно настолько, чтобы решить, какую версию рассказать. Правда — что его собственная разведка спровоцировала испуганных часовых первым появлением у стен, что кровь пролилась из-за паники с обеих сторон, — была слишком неудобной, слишком похожей на то, в чём его самого можно было бы обвинить. Ложь давалась куда естественнее, куда выгоднее.

— Напали первыми, — сказал он, и голос его прозвучал твёрдо, без тени сомнения. — Едва завидели нас — стрелы полетели без единого слова. Не спрашивали, кто мы. Не искали мира. Просто стреляли, как в зверьё.

Ила, стоявшая неподалёку среди тех, кто дожидался вестей от разведгруппы Кёрна, невольно напряглась, услышав эти слова, — но её здесь не было рядом, чтобы возразить, а те немногие, кто мог бы знать правду, ещё не вернулись с перевала.

— Значит, — медленно произнёс один из вождей — крупный мужчина по имени Одгар, чей клан давно славился скорее силой, чем терпением, — этот мир встречает нас так же, как встретил бы любой чужак чужую землю. Мечами и стрелами.

— Именно так, — подтвердил Гаррок, и по толпе снова прошёл гул — на этот раз темнее, тяжелее прежнего.

— А ведь мы надеялись, — с горечью сказал кто-то из молодых, — что здесь можно будет начать заново. Без крови.

— Начать заново можно только там, где тебя не встречают стрелой в спину, — жёстко ответил Одгар. — Мы уже потеряли один мир, слушая тех, кто верил в мирные решения слишком долго. Я не намерен терять и этот.

Слова расходились по мёртвому городу быстрее пожара — от клана к клану, обрастая по пути новыми, всё более мрачными подробностями, как это всегда бывает с историями, рассказанными вслух много раз. К вечеру уже почти никто не помнил точных слов Гаррока — помнили лишь общее, простое, врезающееся в память: они напали первыми. Они не хотят с нами мира.

Одгар, чей клан насчитывал едва ли не больше воинов, чем все остальные вместе взятые, созвал совет ещё до заката — не тот хрупкий, общий совет, что решал судьбу всех Детей Пепла разом, а свой собственный, узкий, куда пригласил лишь тех вождей, чьи сердца, как и его собственное, склонялись не к переговорам, а к силе.

— Кёрн повёл разведку на восток, — сказал он собравшимся, — искать мира с теми, кто, как выясняется, мира не ищет. Пока он теряет время на переговоры, я не намерен ждать, пока голод доест последних из нас.

— Что ты предлагаешь? — спросил один из вождей помладше.

Одгар медленно улыбнулся — не радостью, а той холодной решимостью человека, что уже принял решение задолго до того, как задал вопрос вслух.

— Я предлагаю выступить, — сказал он. — Не ждать благословения Кёрна и его хвалёного здравого смысла. Земли за перевалом плодородны, а те, кто их держит, судя по всему, разговаривают только на языке силы. Значит, будем говорить на нём же.

Слова эти слышали не все — но слышали достаточно, чтобы уже на следующее утро несколько кланов, до этого державшихся общего, шаткого согласия, начали негромко, порознь собирать своих людей и снаряжение, готовясь выступить на восток вслед за разведкой Кёрна — но уже не с миром в сердце, а с совсем другими намерениями.

Гонец назад

Утром, прежде чем отряд Ренарда тронулся в путь к Белому Клыку, Кёрн отвёл Ясну в сторону, к самой кромке лагеря.

— Мален должна знать, — сказал он без предисловий. — Про Ренарда. Про то, что часть людей готова слушать. Про Одгара — если весть о нём уже дошла раньше нас, пусть узнает и то, что не все Дети Пепла идут его путём.

Ясна нахмурилась, окинув взглядом дорогу впереди — туда, где скрывалась крепость, которую предстояло увидеть остальным.

— А ты хочешь, чтобы я вернулась одна? Через перевал?

— Не одна, — ответил Кёрн. — Возьмёшь двоих из людей Ренарда, кто знает эти тропы лучше нас. И будешь быстрее без нас пятерых — налегке, без конвоя, без необходимости объяснять на ходу, кто мы такие.

Она долго молчала, и Кёрн видел, чего ей стоило это молчание — не страх пути, а то, что придётся оставить остальных именно сейчас, когда неизвестность впереди была куда гуще, чем за спиной.

— Найди Мален, — сказал он тише. — Расскажи всё, что видела. Пусть решает, что делать с теми, кто ещё сомневается, — быстрее, чем это решит за них Одгар.

Ясна кивнула, коротко, по-деловому пряча то, что чувствовала на самом деле.

— Береги остальных, — сказала она просто, и это была не просьба, а нечто среднее между приказом и мольбой, — а затем, не позволяя себе долгих прощаний, закинула мешок на плечо и зашагала на запад, туда, откуда они все когда-то пришли.

Кёрн смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом тропы, и лишь тогда обернулся к оставшимся — Иле, Дрену, Торну.

— Дальше, — сказал он, — идём вчетвером.

Глава 14. Белый Клык

Крепость показалась на горизонте на исходе третьего дня пути — тёмная громада на холме, и Гаст невольно придержал коня, вглядываясь в знакомые с юности очертания стен. Когда-то, много лет назад, он сам носил здесь цвета Ордена — недолго, по причинам, которые так и не решился объяснить даже самым близким людям, — и с тех пор возвращался в эти края лишь наёмником, ищущим работу, а не гостем. Именно отсюда уходили в свой последний поход братья Эйнара — наёмники в отряде сэра Родрика, — и Гаст знал: для его друга эти стены хранили память куда более тяжёлую, чем для него самого. Возвращение получалось совсем не таким, каким он мог бы его себе представить.

— Ты бывал здесь раньше, — заметил Ренард, ехавший рядом. Не вопрос — утверждение, произнесённое тем ровным тоном, каким Ренард обычно говорил о вещах, в которых не хотел копаться слишком глубоко.

— Долгая история, — коротко ответил Гаст, как и всегда, когда речь заходила о Белом Клыке.

Позади колонны Ренарда, чуть в стороне, держались Кёрн и его трое — Ила, Дрен, Торн — окружённые, скорее для виду, чем по необходимости, десятком солдат. Мира ехала рядом с Гастом, непривычно молчаливая с самого утра, будто уже предчувствовала что-то, чего не могла облечь в слова.

— Что тебя тревожит? — тихо спросил её Гаст.

— Ничего конкретного, — ответила она, не отрывая взгляда от приближающихся стен. — Просто... негромко. Слишком вполголоса для крепости, которая должна ждать вестей.

Гаст присмотрелся внимательнее. Она была права — над стенами не было привычной суеты, ни перекликающихся дозорных, ни телег с товаром у ворот. Крепость выглядела так, будто уже знала, кто к ней приближается, и готовилась не к встрече гостей, а к чему-то иному.

Ворота открылись, впуская колонну, без единого лишнего слова — и это молчание сказало Гасту больше, чем любые расспросы.

Их провели напрямик в главный зал — тот самый, где Гаст когда-то дожидался расчёта за выполненный наёмничий контракт, ещё до того, как всё изменилось. Сейчас на возвышении, там, где раньше сидел прежний магистр Ордена, восседал другой человек — моложе, суше лицом, с глазами, в которых читался не столько ум, сколько усталая, вымотанная тревога человека, вынужденного принимать решения быстрее, чем он готов был их принимать.

— Магистр Освальд, — представил его Ренард, склонив голову — формально, без особой теплоты.

— Ренард, — кивнул магистр в ответ, и тут же, не тратя времени на любезности, перевёл взгляд на Кёрна и его спутников, стоявших у входа под конвоем. — Значит, это правда. Слухи не лгали.

— Какие слухи, магистр? — спросил Гаст, выступая вперёд.

Освальд смерил его долгим взглядом.

— Гаст, — произнёс он медленно, будто вспоминая имя откуда-то издалека. — Наёмник. Когда-то — мастер меча здесь же, в Ордене, пусть и недолго. Друг братьев Эйнара, если не путаю. Не думал, что снова увижу тебя здесь — да ещё в такой компании.

— Компания, о которой вы, вероятно, слышали неправду, — сказал Гаст твёрдо. — Позвольте рассказать то, что произошло на самом деле.

— У меня уже есть донесение, — Освальд поднял руку, останавливая его. — Три дня назад. От гонца из земель южнее Старого Брода. Клан чужаков — нелюдей, как их описывают, — вырезал деревню. Затем напал на лагерь лорда Ренарда. А теперь я вижу пятерых таких же существ, стоящих в моём собственном зале, под охраной моих собственных солдат, которых

сопровождал ты и... — он на мгновение замялся, — женщина, которую я помню по слухам о падении Шрама.

— Те, кто напал на деревню — не эти люди, — сказал Гаст, повышая голос. — Кёрн и его отряд сражались против тех же нападавших. Плечом к плечу с солдатами лорда Ренарда. Спросите его самого.

Взгляды всех обратились к Ренарду. Тот долго молчал, и в этом молчании Гаст впервые почувствовал холодок настоящей тревоги.

— Это правда, магистр, — сказал Ренард наконец, тщательно подбирая слова. — Они сражались на нашей стороне. Я обязан этим свидетельством.

— Но? — уловил Освальд недосказанность.

— Но я также обязан сообщить, — продолжил Ренард, и голос его звучал так, будто каждое слово давалось ему через силу, — что накануне нашего прибытия сюда пришли новые вести. Другой отряд этих же... существ, судя по описанию, движется на восток в гораздо большем числе. С оружием. Не для торговли.

Зал наполнился напряжённым гулом среди собравшихся офицеров.

— Значит, — сказал Освальд, поднимаясь, — среди чужаков есть и мирные, и враждебные. Прекрасно. Как прикажете отличить одних от других, прежде чем откроются ворота для новой резни?

— Поговорив с ними, — сказал Гаст твёрдо. — Так же, как говорил с ними я. Так же, как говорил с ними Ренард, прежде чем составить о них суждение.

Освальд долго смотрел на него, затем на Кёрна, стоявшего неподвижно под конвоем, — спокойного, не пытающегося ни оправдываться, ни угрожать.

— У меня нет времени на разговоры, Гаст, — сказал он наконец, и в голосе его прозвучало что-то, похожее на искреннее сожаление, потонувшее в гораздо большем страхе. — Через два дня придёт вестник из столицы. Королевский совет уже наслышан о чужаках у наших границ, и если я предстану перед ним, не приняв никаких мер, моё место — да и, возможно, моя голова — окажутся под вопросом раньше, чем чья-либо ещё.

— Значит, вы готовы осудить невиновных, чтобы спасти собственное положение? — резко спросила Мира, впервые за весь разговор.

Освальд поморщился, будто её слова попали точно в незащищённое место.

— Я готов, — сказал он тяжело, — поместить их под стражу до прибытия совета. Не в темницу как преступников — как гостей, чью судьбу решит не один я. Это лучшее, что я могу предложить, не рискуя всем Орденом.

— Это темница в любом случае, как её ни назови, — сказал Гаст.

— Возможно, — согласился Освальд без тени сожаления в голосе на этот раз. — Но это мой выбор, Гаст. Стража!

По его знаку в зал вошли солдаты — вдвое больше, чем сопровождали Кёрна до сих пор. Дрен инстинктивно шагнул вперёд, рука легла на рукоять молота, но Кёрн коротко качнул головой, останавливая его: не здесь, не так, не сейчас.

— Магистр, — сказал Гаст, делая последнюю попытку, — вы совершаете ошибку. Не только против них. Против всех нас, кто мог бы встретить это иначе, чем встретили Растерзанных когда-то.

— Возможно, наёмник, — ответил Освальд, уже отворачиваясь. — Но ошибка, за которую отвечу я, лучше, чем катастрофа, за которую придётся отвечать всему королевству. Уведите их.

Кёрн не сопротивлялся, когда его и остальных повели прочь из зала — только на мгновение обернулся, встретившись взглядом с Гастом, и в этом взгляде читалось не обвинение, а нечто гораздо более тяжёлое: усталое, горькое понимание того, что даже самая честная попытка договориться порой разбивается о страх, которым нельзя управлять словами.

Гаст стоял посреди опустевшего зала, чувствуя, как внутри закипает решение, которое ещё несколько минут назад казалось невысказанным.

— Мира, — сказал он вполголоса, — Эйнар. Нам нужно поговорить. Наедине.

Глава 15. Равнина за перевалом

К тому времени, как последние отряды покинули мёртвый город, Каменный Перевал успел повидать больше народу, чем за всю свою историю с начала времён.

Они шли непрерывной, растянутой на много дней вереницей — лагерь за лагерьем, клан за кланом, — спускаясь с горных троп на равнину, раскинувшуюся за перевалом широким зелёным простором, каким она, должно быть, не казалась ни одному Ребёнку Пепла прежде. Здесь останавливались, разбивали временные стоянки, ждали отставших, хоронили тех немногих, кто не пережил перехода через горы, — а затем двигались дальше, к линии дальних холмов, за которыми, по слухам, начинались настоящие людские земли.

Мален, старейшина, оставшаяся во главе лагеря Кёрна на время его разведки, стояла у края одной из таких временных стоянок, глядя туда, куда несколько дней назад ушёл Кёрн — и откуда до сих пор не было вестей.

— Ещё ничего? — спросила она у разведчика, только вернувшегося из передового отряда.

Тот покачал головой, избегая её взгляда.

— Тишина, — сказал он. — Ни весточки. Ни от Кёрна, ни от Илы и остальных, ни от тех троих людей, что были с ними.

Мален плотнее закуталась в плащ. Молчание Кёрна тревожило её сильнее любых плохих вестей — плохие вести хотя бы можно было понять. Тишина не говорила ничего.

Хуже вестей о молчании Кёрна были другие — те, что расходились по равнине быстрее, чем кто-либо мог их остановить.

— Одгар взял ещё одно поселение, — сказал разведчик, тот же самый, понижая голос. — Третье за эти дни. Говорят, оставил только пепел.

Мален закрыла глаза.

— Куда он движется?

— К большому городу-крепости. Гонцы, добравшиеся сюда после встречи Кёрна с местным лордом, называли его Старый Брод.

Название она слышала впервые, но по тому, как о нём говорили — тяжело, со значением, — сразу поняла: крупный город, важный узел на пути дальше на восток. Если Одгар возьмёт его силой, дорога назад к миру станет закрыта не метафорически, а буквально — целой линией трупов, которую уже не объяснить никакими переговорами.

— Кто-нибудь пытался его остановить? — спросила она.

— Пытались, — мрачно ответил разведчик. — Двое вождей, что держались стороны Кёрна. Одгар не стал их слушать. Сказал, что нерешительность уже стоила нам одной войны, и он не намерен смотреть, как история повторяется из-за чужой доброты.

Мален долго молчала, глядя на восток, туда, где равнина терялась в дымке, а за ней, судя по слухам, уже разгоралось то самое пламя, которое она так надеялась оставить позади вместе со своим погибшим миром.

Старый Брод готовится

Старый Брод помнил, что такое страх. Не понаслышке — на собственной шкуре, ещё в те дни, когда тьма Шрама подступала ближе, чем кому-либо хотелось признавать, а стены города укрепляли в спешке, наспех, ожидая беды, которая тогда, к счастью, обошла его стороной. С тех пор прошло не так много времени, чтобы бдительность успела выветриться окончательно, — и теперь, когда беда наконец пришла, город встретил её не полной неожиданностью, а мрачной, отработанной готовностью человека, однажды уже смотревшего в лицо страху и не забывшего этого урока.

Стены, укреплённые ещё в те дни, стояли крепче, чем в большинстве соседних городов, — но крепче не значило неприступнее, и градоначальник знал это лучше многих.

К полудню второго дня после первых вестей о разорённых поселениях, ворота Старого Брода почти не закрывались — сквозь них непрерывным потоком шли беженцы. Крестьяне с телегами, гружёными всем, что успели спасти. Матери с детьми на руках, слишком испуганные, чтобы плакать. Старики, идущие из последних сил, потому что молодые уже ушли вперёд, торопя их. Город принимал всех — не столько из милосердия, сколько из простого расчёта: чем больше людей за стенами, тем меньше остаётся снаружи, беззащитных перед тем, что надвигалось с запада.

На сигнальных башнях у городских ворот уже третий день не гасли костры — яркие, тревожные столбы дыма днём и огня ночью, видимые, как надеялся градоначальник, достаточно далеко, чтобы соседние города поняли: Старому Броду нужна помощь. Гонцы были отправлены во все стороны сразу — к Белому Клыку, к южным лордам, и на север, к Бернланду и Варгарду, откуда, если помощь и придёт, то нескоро. Никто не знал наверняка, придёт ли она вообще. Белый Клык, по последним слухам, был занят собственными заботами — теми самыми чужаками, что уже сидели у него в темнице, — и вряд ли готов был снаряжать войско ради ещё одного далёкого гарнизона.

— Мы не можем рассчитывать на подмогу, — сказал градоначальник капитану стражи, стоя на надвратной башне и глядя, как внизу, во дворе, кузнецы разгружают телегу с наспех откованными наконечниками копий. — Значит, будем готовиться так, будто её не будет вовсе.

Капитан кивнул, окидывая взглядом двор. Ополчение собиралось быстрее, чем он смел надеяться, — но вооружение оставалось скудным. Не у каждого нашёлся настоящий меч; многие держали в руках то, что смогли раздобыть у себя дома: топоры для рубки дров, отточенные до боевого блеска, тяжёлые молоты кузнецов, косы, перекованные из земледельческого орудия в подобие копья. Немолодой охотник, всю жизнь бивший оленей в окрестных лесах, теперь стоял в одном ряду с городскими лучниками, деловито проверяя свой охотничий лук, — оружие не для войны, но в его руках способное разить не хуже иного арбалета.

— Копья, — велел капитан подошедшему сержанту. — Как можно больше метательных, не только для строя. Если они ползут через стены, лучше встречать их сталью в воздухе, чем в рукопашной.

— Уже заготавливаем, милорд, — ответил сержант. — Плотники режут дровишки день и ночь.

— Вода, — добавил градоначальник, вспомнив ещё одну заботу. — Все колодцы, все бочки, что найдутся в городе, должны быть полны. Не только для питья.

— Для огня, — понял капитан.

— Для огня, — подтвердил градоначальник. — Если они попытаются жечь стены или крыши, у нас должно быть чем тушить, прежде чем пламя доберётся до складов с провизией.

Работа продолжалась без остановки — от рассвета до глубокой ночи, а затем снова от рассвета: чинили стены там, где годы и погода успели их ослабить, укрепляли ворота, разби-

рали старые баллисты, простоявшие без дела не один десяток лет, проверяя, годятся ли ещё их механизмы для настоящего боя. Дети, слишком юные, чтобы держать оружие, таскали воду и точильные камни. Женщины, чьи мужья ушли в ополчение, шили мешки для песка, которыми предполагалось укреплять слабые места на стенах.

Никто в городе толком не знал, с кем именно им предстоит сражаться. Слухи расходились противоречивые — одни говорили о чудовищах из легенд, другие о людях, но не вполне людях, третьи путали приближающуюся угрозу с самими Растерзанными, будто тьма Шрама снова вырвалась на свободу. Но страх, вне зависимости от того, насколько точны были подробности, действовал одинаково на всех: город готовился так, словно на кону стояло само его существование, — и, если верить донесениям разведчиков, был не так уж далёк от истины.

К вечеру третьего дня, когда последний свет угас за дальними холмами, а на сигнальных башнях снова разгорелись сторожевые костры, градоначальник в последний раз обошёл стены, вглядываясь в темноту на западе.

— Сколько у нас времени? — спросил он снова, хотя уже задавал этот вопрос сегодня утром.

— Может, день, — ответил капитан. — Может, меньше.

Градоначальник медленно кивнул, чувствуя, как тяжесть предстоящего оседает на плечи вместе с ночным холодом.

— Тогда молитесь, — сказал он тихо, повторяя собственные слова, сказанные несколькими днями раньше, — чтобы то небольшое, что мы успели сделать, оказалось достаточным.

Глава 16. Побег

Они втроём отошли в один из полутёмных боковых коридоров крепости — тех самых, где Гаст мальчишкой-учеником бегал с поручениями наставников, задолго до того, как стал мастером меча, зная в этих стенах каждый закоулок лучше, чем собственную ладонь. Именно это знание сейчас оставалось их единственным настоящим преимуществом.

— Темница под западной башней, — сказал он приглушённо, пока Мира и Эйнар слушали, не перебивая. — Один коридор, одна лестница вниз. Стражи немного — Освальд не ждёт побега, он ждёт покорности.

— Значит, и не готовился к обратному, — заметил Эйнар.

— Именно.

Мира стояла, прижавшись спиной к холодному камню стены, и по её лицу Гаст видел, что она уже просчитывает не столько путь, сколько последствия.

— Если мы это сделаем, — сказала она тихо, — назад дороги не будет. Ни для нас, ни, возможно, для всего Ордена. Это будет не побег пленника. Это будет предательство человека, которому Орден когда-то доверял меч и имя мастера.

— Знаю, — ответил Гаст, и в этом коротком слове было куда больше, чем простое согласие. — Но я предпочту быть предателем, спасшим невиновных, чем верным слугой, промолчавшим, пока их казнят за чужую ложь.

Эйнар коротко кивнул — не как согласие с тяжестью решения, а просто как готовность действовать.

— Как проникнем в темницу?

— Есть один способ, — сказал Гаст, и по его тону Мира поняла, что план родился только что, прямо здесь, в этом коридоре, — рискованный, полагающийся больше на удачу и знание крепости, чем на продуманную стратегию. — Ночью стражу у западной башни меняют раз, ближе к третьей страже. Между сменами — короткое окно, когда пост держит один человек, а не двое.

— Один человек, — задумчиво повторил Эйнар. — Придётся его вырубить, не убивая. Иначе мы не лучше тех, кого обвиняем.

— Именно поэтому пойду я, — сказал Гаст. — Он меня узнает — и, может быть, помедлит на долю секунды дольше, прежде чем поднять тревогу. Этого хватит.

Ночь опустилась на крепость плотная, безлунная — как будто сама природа решила подыграть их замыслу. Гаст, Мира и Эйнар двигались по знакомым Гасту коридорам, минуя редкие посты стражи там, где путь позволял обойти их стороной, и однажды — когда обойти не удалось — Мира негромко заговорила с уставшим караульным, отвлекая его достаточно долго, чтобы Эйнар бесшумно проскользнул мимо в тени за его спиной.

У лестницы, ведущей в темницу западной башни, действительно стоял только один страж — молодой, не старше самого Гаста в те годы, когда он ещё носил этот же плащ с гербом Белого Клыка.

— Родик, — тихо позвал Гаст, выходя из тени.

Молодой страж вздрогнул, узнавая.

— Гаст? Тебе нельзя здесь быть, магистр приказал...

— Знаю, что приказал, — ответил Гаст мягко, приближаясь. — И знаю, что ты хороший солдат, Родик. Слишком хороший, чтобы стоять в стороне, пока невиновных судят за чужие грехи.

Родик заколебался — и этой доли секунды колебания хватило. Эйнар, зайдя со спины, зажал ему рот и аккуратно, без лишней жестокости, опустил обмякшее тело на пол — оглушённое, но живое, целое.

— Прости, — вполголоса сказал Гаст, глядя на бесчувственного стража. — Ты был хорошим солдатом.

Они спустились по узкой лестнице в сырую темноту темницы. Кёрн поднял голову при первых звуках шагов — настороженно, готовый к худшему, — и, узнав Гаста, медленно поднялся на ноги.

— Вы пришли, — сказал он через решётку, и хотя язык оставался несовершенным мостом между ними, интонация не нуждалась в переводе.

— Не время объяснять, — быстро сказал Гаст, уже отыскивая на поясе оглушённого стража связку ключей. — Уходим сейчас, пока не сменилась стража.

Ила, Дрен и Торн один за другим выходили из своих камер, тихие, настороженные, готовые двигаться быстро и бесшумно — годы партизанской войны сделали своё дело: никто из них не задавал лишних вопросов там, где промедление стоило свободы.

Обратный путь оказался труднее — крепость медленно просыпалась вместе с приближением утра, и дважды им пришлось замирать в тених, пропуская патрули. Один раз Торн одним движением обезвредил часового, оказавшегося слишком близко, — быстро, без звука, тем же бесшумным движением, каким привык снимать дозорных в разведке.

Наконец впереди показались очертания старой сточной решётки — тот самый путь, которым Гаст мальчишкой сбегал из крепости в город, когда наставники были слишком заняты, чтобы заметить его отсутствие. Решётка проржавела, но всё ещё держалась крепко; Дрен без особых усилий вырвал её одним рывком, и один за другим они выбрались наружу, в предрассветную темноту за стенами Белого Клыка.

— Дальше? — тихо спросила Мира, когда они, наконец, остановились перевести дух в укрытии дальнего леса, а крепость позади так и не подала признаков тревоги.

Гаст посмотрел на восток, туда, где, по последним слухам, уже собиралась армия Одгара, и на запад — туда, где оставался Орден, отныне считавший их беглецами и предателями.

— Дальше, — сказал он тяжело, — нам некуда возвращаться. Только вперёд. К Старому Броду — предупредить, пока не стало слишком поздно.

Кёрн, слушавший его слова через ломаный перевод Илы, медленно кивнул — не как пленник, обретший свободу, а как человек, окончательно осознавший, что теперь его судьба и судьба горстки чужаков, ставших ему друзьями против его собственной воли, связаны крепче любой клятвы.

Они тронулись в путь на восток, оставляя позади крепость, которая больше не была для двоих из них домом, — навстречу городу, который, сам того не зная, ещё нуждался в них больше, чем когда-либо.

Глава 17. Огни впереди

Первым огни заметил Торн.

Он остановился на гребне пологого холма, не говоря ни слова, — просто смотрел, и этого хватило, чтобы вся группа подтянулась следом и замерла рядом с ним.

Далеко впереди, там, где темнеющее небо смыкалось с линией дальних стен, горели костры — не один и не два, а целая цепь, ровная, слишком ровная для случайных огней. Сигнальные башни.

— Живы, — выдохнул Эйнар, и в его голосе прозвучало что-то похожее на облегчение, недолгое, тут же сменившееся другим чувством. — Но...

Он не договорил. Договаривать не требовалось. Гаст и сам уже читал этот узор огней — не праздничный, не обычный вечерний дозор. Частые, тревожные, расставленные так, чтобы просматривать все подступы разом.

— Они уже знают, — сказал он тихо.

— Знают что именно — вот в чём вопрос, — заметила Мира, не отрывая взгляда от далёких стен. — Что грядёт беда — да. Что не все, кто идёт с запада, одинаковы — вряд ли.

Кёрн, слушавший через ломаный перевод Илы, долго молчал, разглядывая те же огни с той стороны холма.

— У нас было время добраться сюда первыми, — сказал он наконец. — Мы его не удержали.

Никто не стал спорить. Побег из Белого Клыка, петляющий путь в обход патрулей, две ночи почти без сна — цена за свободу оказалась именно такой: временем, которое теперь работало против них.

Они спускались к городу всю ночь короткими перебежками от укрытия к укрытию — не потому что боялись самого Старого Брода, а потому что не представляли, чего ждать от людей, увидевших на подходе смешанный отряд из беглого наёмника Ордена, женщины со славой Хранителя и пятерых существ, которых любой дозорный на стене примет за первый отряд врага.

Рассвет застал их на опушке леса, в паре миль от городских стен — и именно тогда Дрен, шедший чуть впереди, вскинул руку, останавливая всех разом.

— Там, — сказал он одними губами.

По дороге, тянущейся от соседнего тракта, двигался отряд — не крупный, десятка два вооружённых людей верхом и втрое больше пеших, в разномастной броне ополчения, но идущих строем, целенаправленно, туда же, куда лежал путь беглецов. Подкрепление. Одно из тех немногих, что откликнулись на сигнальные костры.

Гаст почувствовал, как внутри что-то отчётливо, холодно щёлкнуло — не страх, а понимание.

— Вот наш шанс, — сказал он тихо.

— Войти с ними? — уточнил Эйнар, явно не в восторге от идеи.

— Не спрятаться среди них, — поправил Гаст. — Показать рядом с ними. Разница огромная. Если стража увидит, что мы идём вместе с людьми, которых сами позвали на помощь, — у неё будет причина сперва спросить, а не сразу бить тревогу.

Мира окинула взглядом отряд ополчения, затем — своих спутников.

— Это сработает только если мы подойдём открыто, — сказала она. — Не крадучись. Крадущихся встречают стрелой.

Кёрн выслушал перевод и медленно кивнул — не с восторгом, но с тем спокойным согласием человека, который давно понял: иного выбора почти никогда не бывает, есть только менее плохой из нескольких плохих.

Они дождались, пока отряд подкрепления поравняется с опушкой, и лишь тогда вышли — не бегом, не украдкой, а размеренным, открытым шагом, Гаст впереди, с поднятой пустой ладонью, за ним — Мира и Эйнар, а следом, чуть поодаль, но на виду, Кёрн и его трое.

Голова колонны ополчения замерла разом — резкий, нестройный лязг оружия, вскинутого одновременно доброй дюжиной рук.

— Стоять! Кто такие?!

— Свои, — крикнул Гаст, не замедляя шага, но и не ускоряя его. — Направляемся в Старый Брод. С важными вестями для градоначальника. И с помощью, если он захочет её принять.

Немолодой всадник во главе отряда — судя по потрёпанному, но настоящему гербу на груди, младший офицер городской стражи, отправленный со своим десятком на сбор подкреплений, — подъехал ближе, не опуская меча, и его взгляд задержался сначала на гербе Ордена на плаще Гаста, а затем, дольше, тяжелее, — на пятерых позади.

Разговор занял весь оставшийся час пути — трудный, дважды прерывавшийся, когда офицер натягивал поводья и долго молчал, глядя то на Гаста, то на Кёрна, будто взвешивая, не проще ли было бы просто связать их всех и разбираться уже за стенами. Гаст не пытался рассказать всё — только самое необходимое, самое проверяемое: имя Ренарда, имя магистра Освальда, слово «побег», которое он не стал смягчать. К тому моменту, как впереди показались стены Старого Брода, офицер так и не опустил тяжести в лице, но меч наконец вложил в ножны — не доверие, а лишь готовность выслушать ещё раз, уже перед теми, кто вправе решать.

Стены поднимались выше, чем Гаст помнил их по слухам, — свежееукреплённые, ошетилившиеся кольями и наспех сколоченными помостами для лучников. Между зубцами двигались силуэты дозорных, слишком много для обычного дня, слишком напряжённые для ложной тревоги. Над воротами колыхалось знамя города, а под ним, у самой надвратной башни, уже собиралась толпа — не праздная, а встревоженная, привлечённая видом приближающегося подкрепления и тем, что шло рядом с ним.

Первый крик донёсся со стены, когда до ворот оставалось меньше сотни шагов.

— Там... там не только наши!

Толпа у ворот качнулась разом — не в панике ещё, но на самой её грани, — и Гаст почувствовал, как за спиной напрягся Дрен, как Торн чуть сместился, инстинктивно прикрывая Илу плечом. Офицер поднял руку, останавливая колонну, и обернулся к Гасту с выражением человека, вдруг осознавшего, что решение, которое он откладывал весь час пути, откладывать больше некуда.

— Дальше, — сказал он тяжело, — говорить будете вы. Я лишь скажу, что довёл вас живыми. Остальное — не в моей власти.

Ворота Старого Брода, тяжёлые, свежееукреплённые, начали медленно открываться — и по обе стороны от них, на стенах и во дворе, сотни глаз повернулись к тем, кто приближался следом за долгожданным подкреплением.

Глава 18. Ворота

Ворота открылись не полностью — ровно настолько, чтобы отряд подкрепления мог пройти в два ряда, не больше. За ними, во внутреннем дворе, уже выстроилась стража, вдвое многочисленнее той, что встречала обычных гонцов, — не парадный строй, а настороженная стена из копий, готовая сомкнуться в любой момент.

Толпа у ворот гудела — не криком, а тем низким, тревожным ропотом, который страшнее любого крика, потому что в нём слышны сразу сотни разных страхов.

— Это они? Те самые, что жгут деревни?

— Не похожи на солдат...

— А если это ловушка?

Гаст шёл вперёд, не замедляя шага, хотя каждый шаг давался тяжелее предыдущего под весом сотен взглядов, впившихся в его спину, — а ещё больше в тех, кто шёл следом за ним. Кёрн держался ровно, лицо спокойное, руки на виду, пустые, — тот же жест, что сработал однажды на пепелище, единственный язык, понятный без перевода.

На верхней площадке надвратной башни появился человек — немолодой, в добротном, но не парадном плаще, с тяжёлой цепью на груди, знаком должности, а не украшением. Градоначальник. Гаст узнал его манеру держаться раньше, чем успел разглядеть лицо, — та же смесь усталости и упрямой решимости, что была у Ренарда, только помноженная на груз целого города за спиной.

— Стоять! — голос градоначальника разнёсся над двором, и толпа мгновенно стихла, будто эту тишину держали наготове, ожидая лишь приказа. — Кто ведёт этих людей?

— Я, — отозвался офицер, всё ещё сидевший в седле у самых ворот. — Встретил их на подходе. Говорят, у них вести. И помощь.

— Вести от кого?

— От меня, — Гаст поднял голову, встречая взгляд градоначальника прямо. — Меня зовут Гаст, наёмник. Я был рядом с Тиреном у Шрама, когда всё случилось. Пришёл предупредить вас о том, чего вы ещё не знаете о войске, что движется на ваш город.

Ропот в толпе взметнулся снова, громче.

— А они? — градоначальник качнул подбородком в сторону Кёрна и остальных, и в его голосе не было того, что Гаст слышал раньше от Ренарда, — ни капли готовности слушать сначала, спрашивать потом. Только настороженность, отточенная недель чужих слухов и разорённых поселений.

— Те, кто пришёл с миром, — сказал Гаст. — В отличие от тех, кто уже идёт к вашим стенам.

— Легко сказать, — бросил градоначальник резко. — Труднее доказать.

Он долго молчал, глядя вниз, во двор, — и Гаст видел, как в этом молчании взвешивается судьба не только их отряда, но и того самого хрупкого шанса, ради которого они бежали через полстраны, почти не смыкая глаз.

— Оружие на землю, — сказал наконец градоначальник. — Все. Без исключений.

Гаст медленно потянулся к поясу.

— Ты первый, — тихо сказал он Кёрну на ломаном, но уже достаточном для таких слов языке.

Кёрн выдержал взгляд градоначальника долгую секунду, затем медленно, демонстративно опустил на землю нож. За ним, один за другим, — Ила, Дрен, Торн. Металл глухо стукнул о камень мостовой, и этот звук эхом разнёсся по внезапно затихшему двору.

Градоначальник смотрел на это дольше, чем требовалось, — не на оружие, а на то, с какой готовностью, без единого протеста, оно легло на землю.

— Впустите их, — сказал он наконец, и в голосе его не было ни тепла, ни доверия — только тяжёлое, взвешенное решение человека, у которого не осталось иного выхода, кроме как рискнуть. — Но под стражу. Не в темницу — в надёжное место, под присмотром. Пока я сам не услышу всё, что они хотят сказать.

Ворота разошлись шире. Толпа расступалась перед отрядом неохотно, шаг за шагом, провоя взглядом, в которых смешались страх, любопытство и то особое, недоверчивое любопытство, с каким смотрят на нечто, способное в любой момент оказаться либо спасением, либо новой бедой.

Кёрн, проходя сквозь эту толпу, поймал взгляд ребёнка — маленькой девочки, выглядывающей из-за материнской юбки, — и она не отвела глаз, просто смотрела, широко раскрыв их, без страха, только с детским, не омрачённым ничем любопытством. Он не знал почему, но именно этот единственный взгляд среди сотен враждебных и настороженных запомнился ему больше всего, когда тяжёлые городские ворота сомкнулись за спиной отряда.

Глава 19. Цена ошибки

Градоначальника звали Эдмар, и последние пять дней он не спал больше двух часов подряд.

Он сидел в тесной комнате над воротами, где раньше держали архив податей, а теперь — карту окрестных земель, утыканную деревянными метками: где стоят дозорные, откуда пришли беженцы, где в последний раз видели дым чужого лагеря. С каждым днём меток становилось больше, а свободного места на карте — меньше.

— Сколько у нас людей под ружьём? — спросил он, не поднимая глаз от карты.

— Триста сорок в самом городе, — ответил капитан, стоявший у двери. — Плюс подкрепления, что пришли за последние два дня, — ещё сотня с небольшим. Ждём ещё, но с дальних застав тишина.

— А у них?

Капитан промолчал — не потому что не знал ответа, а потому что ответ был плох в любом варианте. Разведчики говорили разное: кто-то насчитал три сотни, кто-то — вдвое больше. Ни одна цифра не внушала спокойствия.

Эдмар потёр лицо ладонями. За эти дни он научился принимать решения, для которых не готовился всю жизнь, — сколько зерна раздать беженцам, а сколько оставить на случай долгой осады; кого из молодых кузнецов посадить ковать наконечники, а кого — на стену с топором; верить ли слухам о чудовищах или слухам о людях, потому что от этого зависело, как готовить оборону — против стрел или против чего-то похуже.

Теперь добавился ещё один вопрос, и этот пугал его больше остальных, потому что не имел готового решения ни в одной книге, которую он читал, ни в одном совете, который ему когда-либо давали.

— Приведите их, — сказал он наконец.

Их привели в ту же тесную комнату — Гаста, Миру, Эйнара, и следом, под присмотром двух стражников, Кёрна с тремя спутниками. Комната была мала для стольких людей; Эдмар намеренно выбрал именно её — не для унижения, а потому что здесь легче было увидеть лица, все сразу, без возможности спрятаться за спинами других.

— Я выслушаю, — сказал он, садясь за стол, заваленный картами. — Один раз, полностью, без перебивания. Потом буду задавать вопросы. И я хочу, чтобы вы понимали: у меня за спиной город. Три тысячи жителей, из которых половина — беженцы, потерявшие дом за последние дни. Если я поверю не тому, город заплатит за мою ошибку. Если я не поверю верному — заплатит тоже. У меня нет роскоши поверить из вежливости.

Гаст кивнул и заговорил — медленнее, чем в Белом Клыке, тщательнее выбирая, с чего начать. Эдмар слушал, не перебивая, как и обещал, но Гаст видел, как менялось его лицо: недоверие на имени Тирена, тень узнавания на упоминании Ренарда, чья печать стояла на письме, которое капитан положил перед градоначальником ещё утром — письмо, отправленное с земель Северного Предела задолго до их прихода, письмо, которое, как оказалось, уже добралось сюда своим путём.

— Значит, Ренард вам поверил, — сказал Эдмар, когда Гаст закончил.

— Ренард нам поверил не сразу, — ответил Гаст честно. — И не полностью. Он выбрал сторону закона, а не нашу, когда пришлось выбирать. Я не прошу вас поверить нам на слово. Я прошу выслушать и его самого, если он сам к вам доберётся, и магистра Освальда — они оба видели то же, что видел я.

Эдмар долго молчал, разглядывая Кёрна — тот стоял спокойно, не пытаясь ни оправдаться, ни впечатлить, просто ждал, пока дойдёт его черёд.

— А ты, — сказал градоначальник, обращаясь напрямую к нему, хотя и знал, что слова дойдут только через перевод, — чего хочешь ты сам? Не твой народ. Не те, кто уже сжёг мою деревню. Ты.

Ила медленно перевела вопрос. Кёрн ответил не сразу, взвешивая каждое слово.

— Земли за перевалом, — сказал он через Илу, — не для войны. Для жизни. Моего народа мало. Мы не выживем ещё одной войной. Я пришёл не за победой. За тем, чтобы никто больше не жёг деревень — ни ваших, ни моих.

Эдмар слушал этот перевод с непроницаемым лицом, но Гаст, много лет проведший рядом с людьми, привыкшими скрывать мысли за долгом, увидел в глазах градоначальника то же самое, что видел в глазах Ренарда у ночного костра, — не доверие ещё, но что-то, что могло стать доверием, если не разрушится в ближайшие часы.

— У меня нет времени решать это медленно, — сказал наконец Эдмар, поднимаясь. — Разведчики говорят, что войско, идущее с запада, будет здесь через два дня, может, меньше. Мне нужно решить сегодня, чем вы окажетесь для моего города — ещё одним оружием на стенах или ещё одной причиной для паники внутри них.

Он подошёл к узкому окну, глядя вниз, во двор, где сквозь щели ставен пробивался вечерний свет.

— Хорошо, — сказал он, не оборачиваясь. — Вот что я решу. Не потому что верю вам полностью — я не могу себе этого позволить. А потому что у меня не осталось роскоши отказаться от любой помощи, которая может прийти. Вы останетесь. Под наблюдением, но не под стражей. А когда придёт войско с запада — тогда мы узнаем, кто из нас двоих ошибся.

Он обернулся, и в его взгляде Гаст увидел не облегчение, а тяжесть человека, только что взявшего на себя ещё один груз, который, если он ошибётся, ляжет на весь город разом.

— Молитесь, чтобы я оказался прав, — сказал Эдмар тихо. — Я уже давно перестал быть уверен, что молитвы помогают. Но больше мне сейчас нечем вас утешить.

Глава 20. Искажённая весть

Ясна и двое проводников Ренарда шли третий день без остановок, срезая через перелески там, где основная дорога делала крюк, — налегке, без обоза, ровно так, как советовал Кёрн.

К вечеру третьего дня один из проводников, шедший чуть впереди, вдруг замер, вскинув руку.

— Дым, — сказал он тихо. — Не костёр. Слишком много.

Ясна почувствовала, как внутри всё сжалось — не страх, а узнавание, слишком свежее после того, что она видела в разорённой деревне неделю назад. Она подобралась ближе к краю прогалины и увидела внизу, в неглубокой ложине, догорающий хутор — три сгоревших сарая, обугленный плетень, и среди пепла — фигуры, деловито разбирающие то, что осталось. Не люди. Свои — вернее, те, кто должен был быть своими.

— Это не Кёрн послал, — прошептала она.

— Значит, кто-то другой из ваших решил не дожидаться его благословения, — мрачно отозвался проводник.

Ясна медленно опустилась в высокую траву, наблюдая. Среди мародёров она узнала знаки — не Рваных, другого клана, помельче, из тех, что колебались на совете, слушая то Кёрна, то Одгара. Видимо, выбрали.

Она хотела обойти хутор стороной — и почти успела, когда из-за поваленного дерева на неё вышли трое.

— Далеко собралась? — спросил тот, что был впереди, разглядывая её дорожную одежду, а затем — проводников за её спиной. — С людьми этого мира заодно?

— Я иду к Мален, — сказала Ясна, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — С вестями от Кёрна.

Мужчина усмехнулся — невесело, понимающе.

— От Кёрна, — повторил он. — Значит, вести о мире. Как удобно.

Он не стал спорить и не стал нападать — просто кивнул одному из своих, тихо, коротко, и Ясна слишком поздно поняла, что он не собирался её отпускать вперёд. Он собирался отпустить её позже — когда весть, которую он понесёт сам, обгонит её на день пути.

Её не тронули. Просто задержали — под предлогом «переждать до утра, здесь безопаснее», а утром её проводников уже не было рядом, и путь, которым её повели дальше, оказался куда длиннее того, что она выбрала бы сама.

Гонец, посланный от хутора вперёд, добрался до основного лагеря на день раньше Ясны — и принёс не то, что видел, а то, что было выгодно рассказать.

— Люди Брода уже готовят капкан, — сказал он собравшимся вождям, задыхаясь после долгого бега. — Разговоры о мире — только чтобы выиграть время, пока подходит подкрепление с востока и с гор.

Одгар слушал, не перебивая, и по его лицу невозможно было понять, верит он этому целиком или просто рад любому доводу, подтверждающему то, что он и так уже решил.

Но не все в шатре совета слушали одинаково.

— Гонец от самого Кёрна должен прийти со дня на день, — тихо заметил один из младших вождей, тот самый, что три дня назад впервые усомнился вслух после речи Гаррока. — Может, стоит дождаться его слов, а не слов чужого хутора?

— Может, — жёстко ответил Одгар, — а может, ты забыл, чем кончаются истории о мире в нашем прежнем мире.

Никто не осмелился спорить дальше в открытую. Но семя, брошенное этим единственным вопросом, уже упало не на пустую землю — за последними столами совета несколько

вождей помоложе переглянулись, не произнеся ни слова, и этого хватило, чтобы трещина, едва наметившаяся, осталась жить дальше, тихо, под спудом общего решения выступать.

Ясна добралась до лагеря Мален лишь на пятый день — усталая, злая на саму себя за задержку, с правдой, которая должна была прийти первой, а пришла второй.

— Ты опоздала, — сказала Мален тихо, выслушав её до конца. — Одгар уже выступил. Три дня как.

Ясна молча опустила голову, чувствуя тяжесть, которая не имела отношения к усталости в ногах.

— Значит, — сказала она наконец, — теперь нужно догонять не весть. Нужно догонять войну.

Глава 21. Свои среди чужих

Комнату им выделили в казарме у восточной стены — три узкие койки и охапка соломы в углу, для четвёртого, — и стражник, приведший их туда, запер дверь снаружи так тщательно, будто надеялся, что этот звук сам по себе будет достаточным напоминанием об их месте в новом порядке города.

Кёрн не возражал. Он давно научился не тратить силы на то, что нельзя изменить сразу.

— Под присмотром, не под стражей, — сказала Ила, опускаясь на койку и разглядывая зарешёченное окно. — Эдмар выбирает слова осторожнее, чем Освальд.

— Слова легко выбрать, — заметил Дрен, стоя у двери и прислушиваясь к шагам снаружи. — Посмотрим, что он выберет, когда придётся выбирать не слова.

Через несколько дней их всё же вывели — не на волю, а в главный двор казармы, где капитан стражи, тот самый, что встретил их у ворот, распределял добровольцев по секторам обороны.

— Хотите быть полезны — будете полезны здесь, — сказал он, не глядя на Кёрна напрямую, обращаясь скорее к воздуху между ними. — Восточная стена. Самый слабый участок — старая кладка, ещё дедовских времён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.